

Владислав Селифанов
Алекс Андерваген
Первородный сон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50059364

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-08052-2

Аннотация

Внезапная смерть верховного лорда разрушила равномерное течение жизни на острове Рокушима. Представители знати готовы ввергнуть свои владения в пучину междоусобной войны в попытках обвинить друг друга... Прибывшее на помощь посольство «морских эльфов» сталкивается с неведомым противником, несущим угрозу не только наяву, но и во снах... Перед вами фэнтезийно-детективная история, являющаяся сиквелом грядущего литературного сериала для любителей «азиатского фэнтези»...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	36
Глава 4	50
Глава 5	69
Глава 6	84
Глава 7	89
Глава 8	95
Глава 9	97
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Пролог

Молодой аристократ Вельсиолл тяготился предначертанной судьбой. Он последний из своего народа, кто родился архонтом – эльтасмирием бирюзовой крови.

Умения видеть чужие воспоминания, излечивать тела и успокаивать море не приносили ему радости. Он желал живого общения. Но высокоразвитая раса эльтасмириев избрала путь добровольной изоляции, отгородившись от Младших народов стеной высокомерия и отчуждённости. И молодому, по меркам «неувядающих телом» – как называли их смертные, эльтасмирию оставалось лишь мечтать о переменах.

Однажды у берегов Эльтасмирийских владений потерпел бедствие корабль кхатазов – когда-то дружественного эльтасмириям народа из расы людей. Выживший капитан сообщил правящему Совету Дома Весеннего Шторма, что кхатазские лорды просят эльтасмириев вмешаться в назревающую междоусобицу на далёком острове Рокушима.

Все архонты Совета высказались против вмешательства. За исключением Вельсиолла. С большим трудом он добился права выступить послом на чужой земле. С оговорками и условиями Совет дал ему это право.

Через месяц живой эльтасмирийский корабль по имени Минта'эдвен-Эарини вошёл в воды провинции Року Кхатазской империи.

Глава 1

Архонт Вельсиолл проснулся с первым пением духов ил-лор-киа. Он открыл глаза и миниатюрные создания, населявшие живой корабль Минта'эдвен-Эарини, осветили каюту архонта мягким лунным светом. Вельсиолл лежал на кровати, бывшей когда-то глубоководной двустворчатой раковиной. Гигантская тридакна, столетиями выращивала в себе огромную жемчужину и, в нужный час, была извлечена со дна моря ныряльщиками Дома Весеннего Шторма. Ажурные створки, способные вместить в себя нескольких человек, теперь служили роскошной кроватью в каюте архонта. Роль мягкого ложа выполняла воздушная перина, коей позавидовал бы любой правитель Западного Биртронга – самого большого континента мира Биртронг. Жемчужина же была подарена Домом Весеннего Шторма великому городу Минлорт в честь проведения Ритуала Моря и ныне украшала Лазурный чертог – один из трёх Великих Чертогов народа эль-тасмириев.

За ночь корабль покинул границы глубоководного жёлоба и теперь приближался к цели – мелководью острова Рокушима, принадлежавшего Кхатазской империи. Архонт узнал это из радостных трелей ил-лор-киа, возвещавших скорый конец многодневного путешествия в открытом море.

Радовался и Вельсиолл. Совсем молодой по меркам эль-

тасмириев, он впервые оказался так далеко от дома и теперь чувствовал волнение, вступая во взрослую жизнь. Вельсиолл поднялся с кровати, побуждая духов засиять солнечным светом. На полу, отражая свечение иллор-киа, заблестели доспехи и оружие. Лёгкая кираса, наручи, сапоги и перчатки – всё выглядело произведениями искусства. Посеребрённые и покрытые витиеватыми узорами, они, тем не менее, являлись боевыми изделиями. Ещё с вечера архонт разложил их в каюте, чтобы до рассвета появиться на верхней палубе Минта'эдвен-Эарини в обличии достойном своего статуса.

Вельсиолл подошёл к напольному зеркалу, совпадавшему с ним по росту, и взгляделся в собственное отражение. Он был достаточно высок для представителя своей расы. Красивое лицо архонта, словно изящная маска, лежащая на дне мутного речного потока, пребывало вне присущего всякому разумному существу противоборства наслаждения и страдания. Голубые глаза выражали спокойствие и некую отстранённость, никак не выдавая внутреннее волнение. Золотистые волосы волнами ниспадали на плечи и маленькие иллор-киа вились вокруг них в воздушном танце. В преддверии тяжёлого дня архонт позволил улыбнуться самому себе, готовясь покинуть каюту. Однако улыбка исчезла с лица Вельсиолла, когда он услышал шаги капитана, намеренно громко приближавшегося к резной двери его каюты. Он успел ещё раз взглянуть на себя в зеркало прежде, чем иллор-киа испуганно погасли. Сквозь перегородки корабля

они почувствовали плохое настроение капитана и метнулись к двери, чтобы успокоить его тёплым лампадным сиянием.

Капитан громко постучался и зашёл без приглашения в каюту. От такой бесцеремонности иллор-киа вспыхнули не лунным, а почти солнечным светом. Тем темней, подобно непроглядной туче, поглотившей лучезарный небосвод, выглядел теперь капитан Алуриэль. Его чёрные одеяния пожирали любой свет, и он, хоть и был на голову ниже Вельсиолла, словно заполнил собой всю каюту. Архонт вспомнил историю посвящения Алуриэля. Эту историю знали все в Доме Весеннего Шторма. Будучи простым моряком, он оказался в чреве демона морских глубин. Истаивая как сахар в тёмной кислоте его желудка, Алуриэль сумел вырезать себе дорогу к свету. С тех пор его волосы, брови и даже ресницы чернели как сажа, но его устремления остались чисты, хоть он и носил одежду из чешуйчатой кожи поверженного чудовища.

– Архонт Вельсиолл! – начал капитан Алуриэль и задержал дыхание, прежде чем начать нелёгкий разговор.

Внезапную паузу нарушил холодный голос Вельсиолла:

– Я выбрал тщательно! Весь путь, длиною в месяц, я каждый день заходил к вам в каюту и долго расспрашивал о каждом из двадцати двух членов команды. Не так ли? Я выбрал в посольство именно тех, кто мне нужен! Мечника Теольминта и лучницу Улианту.

Капитан Алуриэль поглядел на Вельсиолла, как на осиротевшее море, на берег которого выбросилось стадо китов:

– Мечник... Лучник... Вы выбрали их не из-за умений и навыков, но даже не это главное...

– Согласен. – Перебил его Вельсиолл. – Их статус в моём посольстве будет отличаться от статуса на вашем корабле. Теольминт, как никто из эльтасмириев, будет свой в чувственном мире людей. Улианта же пригодится в качестве переводчицы. И я не буду ходить кругами! Я прекрасно вижу, как вы пытаетесь возродить давно исчезнувшие отношения между Улиантой и Айдагиллем. Но она давно уже не беженка из восставшей провинции, нуждающаяся в покровительстве, а Айдагилль не тот молодой воин, который из-за влюблённости готов пожертвовать рассудительностью. Я думаю, вам не надо вмешиваться. И я не позволю чьей-то ностальгии по ушедшим дням испортить моё первое посольство!

Алуриэль вздохнул:

– Опыт Айдагилля слишком ценен для нашего народа. Пришло время вернуться на землю. Ему не пристало ходить в дальние походы, защищая лишь мой корабль. Он верно служил нашему Дому на дальних берегах. Теперь его место среди стратегов Совета. Участие в посольстве откроет ему путь к новой жизни.

– Я – архонт Дома Весеннего Шторма, и я отдаю приказы в посольстве! – закончил спор Вельсиолл. Взмахом плаща он усыпил духов и вышел из каюты ровно в тот момент, когда живой корабль эльтасмириев по имени Минта'эдвен-Эарини почувствовал приближение берега и сбавил ход.

Архонт на мгновение замер на лестнице, ведущей на центральную палубу, и закрыл глаза, предвкушая события наступающего дня и готовясь отдать первые в своей жизни приказы в статусе посла Дома Весеннего Шторма. Он вспомнил, как поздно вечером, согласно традиции, объявил капитану Алуриэлю имена тех, кого возьмёт на берег в качестве участников посольства и теперь они ожидали его наверху.

Но то, что он увидел на палубе, нарушило его планы. Между выбранными для участия в посольстве Улиантой и Теольминтом стоял он. Единственный на корабле Танзор Вихря – представитель главной военной силы эльтасмирийской расы.

Айдагилль!

Как и у всех Танзоров Вихря, его скорость и ловкость не уступали завихрениям ветра. Их философия сражений отрицала массивную защиту и потому из доспехов на нём сидели только широкие кожаные наплечники, усеянные эльтасмирийскими рунами, кожаная перевязь крест-накрест на голое тело со стальным кольцом в районе солнечного сплетения и боевая юбка, идеально подходящая для затяжного боя в южных широтах. У его ног лежал походный мешок с небольшим военным шатром и провиантом, а также сумка с инструментами для починки оружия и письменными принадлежностями. Айдагилль подготовился к высадке на остров, пожалуй, даже лучше, чем сам архонт, что было неудивительно для воина, прошедшего обучение на Полях Танцующих с Ветром. Только вот Вельсиолл не назвал его имени капитану.

Улианта, как и подобает эльтасмирийке, ничем не выдавала своих чувств. За неё говорила её походная сумка, набитая мешочками с лечебными порошками, чей душистый запах пробивался сквозь ткань и не укрылся от нечеловеческого чутья Вельсиолла.

Айдагилль и Улианта готовились к высадке на остров вместе и разделили необходимые в походе вещи между собой.

– Кхатазы – своеобразный и воинственный народ, юный архонт, – произнес Танцор Вихря, – и ваше решение взять на берег только двоих... простых воинов выглядит слегка поспешным.

После слова «юный» Улианта и Теольминт перевели взгляды с тёмного пятна приближающегося берега на Вельсиолла. Во взгляде Улианты читалось смятение. Теольминт же наблюдал, с интересом ожидая, чем закончится разговор.

– Они не простые воины, Айдагилль. – Ответил архонт Вельсиолл. – Улианта родилась и выросла в семье посла в стольном городе Кхатаз. Она знает их язык. Теольминт объездил множество земель Юга и Востока континента. Он жил в среде различных народов. И мы прибыли на остров Рокушима не для войны. Впервые со времени Обновления Мира кхатазский лорд обратился к нам за помощью. Когда то давно наши эмиссары поддержали и помогли становлению кхатазской культуры. Один из предков Улианты был среди них. Но уже не один век этот народ находится вне нашего влияния. Возможно, мы просто поможем лорду, а возможно,

поймём, что весь народ кхатаз нуждается в помощи эльтасмириев.

– Вы говорите о восстановлении влияния? Кроме вас и нашего представителя никто в Совете не разделяет эту позицию. Все остальные архонты выступают за самоизоляцию нашей культуры. И вот, когда вам предоставляется возможность заручиться поддержкой Танцоров Вихря, вы отвергаете нашу мощь. Вы хотите остаться в полном одиночестве?

В этот момент корабль Минта'эдвен-Эарини вздрогнул, сообщая экипажу об опасном сближении с берегом. Вся команда незамедлительно пришла в движение. Рулевой повел влево штурвал, уводя корабль в отбойное течение. Стрелки высыпали из трюма и встали по позициям вдоль палубы, взяв луки наизготовку. Бесшумно отворилась дверь покоев архонта. Капитан судна Алуриэль вышел из каюты и без спешки подошел к посольству.

По традиции, только по его приказу любой, будь он хоть главой Дома, мог взойти или покинуть корабль. Сойти раньше, то есть прыгнуть с палубы на приближающийся пирс быстрее взмаха руки капитана, означало показать себя нетерпеливым и недалёким юнцом, выставив себя на посмешище. Сойти позже – означало упасть в море и навлечь на себя позор. Зная это, Улианта и Теольминт перевели взгляды с Вельсиолла на приближающийся пирс и приготовились к прыжку. В отличие от них, архонт так и остался стоять спиной к берегу, глядя прямо в глаза Танцору Вихря.

– Архонт сделал свой выбор, и он не подлежит пересмотру. – Капитан Алуриэль подвёл черту под разговором. – Минта’эдвен-Эарини будет на рейде рядом с островом Рокуши-ма, ожидая зова архонта и никого другого. Как только Вельсиолл зайдёт в воду моря, корабль услышит его, и прибудет не позднее, чем за три часа. Если за две недели Минта’эдвен-Эарини не услышит зова архонта, я отдам приказ возвращаться в порт Лондо Ллар и лично доложу Совету об исчезновении посольства!

Капитан взмахнул рукой. Улианта и Теольминт рванулись вперёд мимо так и стоящего неподвижно архонта. Танцор Вихря на мгновение представил себе, как Вельсиолл падает в воду, не сумев допрыгнуть до пирса. Эта же мысль промелькнула у всей команды, в том числе и у капитана, но то, что произошло далее, рассеяло их сомнения в выдающихся способностях самого молодого архонта Дома Весеннего Шторма. Если спутники Вельсиолла прыгали с разбега, пусть это и выглядело изящно, архонт лишь сделал шаг назад, так и не отведя глаз от Айдагилля, а дальше корабль, словно почувствовавший его намерение, резко встал в воде, подняв паруса и бросив тем самым архонта навстречу пирсу. От этого импульса Вельсиолл не прыгнул, он взлетел над палубой. Уже в прыжке он сорвал перчатку с правой руки и показал Айдагиллю раскрытую ладонь:

– Пять дней! – крикнул он и спикировал на пирс на три-четыре шага дальше Теольминта и Улианты. Еще во время

полёта архонта корабль вошел в отбойное течение и рванулся подобно хищному зверю на свободу – в открытое море. Никто, включая капитана, так и не понял, то ли архонт так тонко почувствовал касание носом корабля отбойного течения и воспользовался этим, то ли он сумел за время плавания слиться с кораблем так сильно, что тот слушал и, самое главное, слышал его мысли и желания. В любом случае, исчезающего в предрассветной тьме архонта провожали девятнадцать взглядов и в них боролись сомнения и надежда на успех посольства.

– Вельсиолл – единственный архонт, родившийся после Обновления мира. – Обратился капитан Алуриэль к Танзору Вихря. – Само его рождение – это вызов. И для него. И для всех нас.

– Совет выбрал его. Значит, он справится, – спокойно ответил Айдагилль, – не вижу причин сомневаться в решениях Совета.

– А я дал повод думать, что сомневаюсь? – капитан Алуриэль чуть повернул голову в сторону собеседника. – Не надо пытаться задеть меня своим разочарованием.

– Во мне нет ни капли разочарования.

– В таком случае это затаённая обида на то, что тебя не взяли на берег. Я бы на твоём месте поумерил свои чувства. Не мне тебя учить, но уникальный шанс медитации в открытом море даётся далеко не всем. Используй его.

Танзор Вихря закрыл глаза. Капитан был прав. Одно де-

ло вести диалог с Миром на суше или на берегу моря. И совсем другое – быть в это время на живом корабле, проводнике в открытую стихию, где первородные потоки Силы насыщенной и свободней, да ещё и протекают рядом с Великим Барьером, созданным эльтасмирийскими магами века назад, что таит в себе древнюю магию и мудрость прошлых эпох.

Эти мысли успокоили Айдагилля.

– Благодарю, капитан. – Он чуть поклонился, и они разошлись так же спокойно, как и беседовали.

Через некоторое время скорый южный рассвет вскрыл невидимые ночью морские горизонты, и вперёдсмотрящий сверху прокричал:

– Прямо по курсу судно без флага!

Глава 2

Пока спутники архонта поднимались в полный рост, зорко оглядывая утреннее кхатазское побережье, Вельсиолл, неподвижно стоящий перед ними в нескольких шагах, спросил:

– Улианта, все кхатазские деревни так спокойны?

Улианта вздрогнула, поймав себя на мысли, что архонт впервые обратился к ней за всё время пути. Она почувствовала себя одинокой и беззащитной, и больше всего захотела сейчас, чтобы Вельсиолл не поворачивался к ней.

Ночной бриз с берега усилился и эльтасмирии с интересом прислушались к дыханию спящей деревни. Благодаря острому обонянию, слуху и месяцу однообразных ощущений в открытом море, они чувствовали то, что человек не заметил бы вовсе. Деревня источала удивительную безмятежность для прибрежного поселения у акватории, кишашей бамусскими пиратами, кхатазскими морскими бандами, имперскими военными кораблями и морскими чудовищами, то и дело появляющимися на поверхности. Отсутствовала стража. Не было слышно лая собак, криков домашней птицы, мычания коров и прочих, присущих деревням звуков.

– Нет. – С запозданием ответила Улианта. – Эта деревня выглядит странно. Жители тех, что я видела до Обновления мира, прятались ночью за частоколом. На кромке леса. Они боялись моря и джунглей.

– Мы подождём рассвета здесь, не сходя с пирса. – Отдал приказ Вельсиолл, не поворачивая головы к своим спутникам.

Улианта кивнула головой в знак согласия, но Теольминт проявил инициативу. Он вынул из походной сумки плащ из лоскутов кожи лесных хамелеонов, надел его и подошёл к Вельсиоллу. Не выходя вперёд, он прошептал на тайном диалекте Дома Весеннего Шторма:

– Архонт, позвольте мне воспользоваться темнотой и исследовать окрестности деревни.

Вельсиолл повернул голову и поглядел на плащ Теольминта. Благодаря сохранным свойствам шкуры хамелеонов, плащ менял окраску, и фигура лучника выглядела в ночи как расплывчатая тень.

– Пирс – граница стихии. По морским законам мы не нарушили границу. – Вельсиолл показал в темноту – Там, где кончается последняя, выцветшая от солнца, доска пирса и начинается хрустящий песок пляжа – территория людей. Владения лорда Табиючи. Вступим на них без приглашения, и это может быть воспринято как вторжение.

Теольминт откинул капюшон плаща. Его вьющиеся волосы вырвались на свободу, развеваясь на ветру, миндалевидные глаза выражали дух бунтарства, скрытый внешней дисциплиной. Однако, взглядевшись, можно было уловить более эмоциональную и авантюрную натуру, чем у большинства представителей народа эльтасмириев.

– Я знаю о ваших выдающихся способностях, архонт Вельсиолл, о том, что вы замечаете то, что не видят другие, но разве мы не упускаем возможность изучить местность прежде, чем встретимся с кхатазами?

Немного помедлив, Вельсиолл ответил:

– При других обстоятельствах ты был бы прав, но сейчас это противоречит целям посольства.

– Может быть, нас с Улиантой следует посвятить в них?

Улианту приободрило упрямство Теольминта и она решила показать себя полезной. Встав справа от Вельсиолла Улианта произнесла:

– Посвятить нас, ингвей Кхатаз зон вужуанг дэрен.

– Что? – Обернулся к ней Вельсиолл.

Невольно отпрянув, Улианта пояснила:

– Я сказала: посвятить нас, потому что Кхатаз – это своеобразный и воинственный народ.

– Так! – Голос архонта обрел ледяную тональность, а глаза сверкнули изумрудным светом и будто маленький смерч из листьев на мгновение пронёсся в его зрачках. – Первое: я взял вас в посольство из-за ваших способностей и опыта, но проявлять вы их будете только тогда, когда я отдам приказ. Эта мысль ясна?

– Да! – Дружно ответили эльтасмирии.

– Второе: в посольстве я отвожу вам не просто роль моих младших спутников. Каждому из вас уготована важная миссия, в соответствии с вашими талантами. Здесь есть возра-

жения?

Улианта и Теольминт отрицательно помотали головами в ответ, но Вельсиолл уловил лёгкое недоумение в их взглядах.

– И третье: наши цели! – Вельсиолл сделал паузу, подумав, что полночи готовился сказать это перед высадкой с корабля и сейчас спутал все слова. – Перед нами земли лорда Табиючи – одного из четырех лордов острова Рокушима. Полтора месяца назад он прислал корабль к нам в порт, с просьбой о помощи. На состоявшемся Совете архонтов нашего Дома капитан этого корабля рассказал о возникшей на острове междоусобице, вызванной гибелью верховного лорда.

Вельсиолл сделал паузу, чтобы эльтасмирии могли задать уточняющие вопросы, чем и воспользовалась Улианта, с детства познавшая утончённость кхатазских политических интриг и потому удивившаяся его словам.

– Позвольте спросить, архонт. У кхатазов появились верховные лорды?

– Да. Как мы выяснили, природа их власти изменилась со времени Обновления мира. Море поглотило часть этого региона, образовав множество островов. Великий город Кхатаз стремительно завоевал новые земли. Теперь это большое островное государство. Местные земледельцы живут свободной общиной и, за часть урожая, возделывают земли Поющих мечей – так здесь называют благородных вооружённых аристократов. Те, в свою очередь, дают клятву верности вер-

ховному лорду главного острова провинции – так называемому лорду Року – это имя неизменно и передаётся как титул. Сейчас правитель мёртв, поэтому на острове четыре равноправных Старших лорда, пока не решится, кто из них станет новым лордом Року. Здесь две правящих и конкурирующих между собой наследные ветви. Ветвь Року и ветвь Табиючи, находящаяся в упадке. Полтора десятилетия назад Табиючи присягнули Року, и с тех пор на острове руководил единый правитель, под началом которого не только остров, но и вся западная провинция империи. Множеством малых островов провинции управляют Младшие лорды, не имеющие прав на титул и имя лорда Року. Правителем же всего государства является император.

– Не такое устройство предполагали мои предки, сея крупицы государственности в диких кхатазах много веков назад! – Воскликнула Улианта, за что удостоилась ироничного взгляда Теольминта.

– Мы ошибались, считая их дикими. Твой отец, будучи постоянным послом при их дворе, желал, чтобы сила города-государства Кхатаз текла по кровеносным сосудам торговых и военных путей вглубь континента – на Запад и Юг. Так и было. До появления островов. Теперь этот народ выбрал свой путь: из одного Великого города создал целую империю. И меня избрали быть посланником. Появление такой мощной культуры должно быть изучено Советом. И местный конфликт прекрасно нам в этом поможет.

– Архонт Вельсиолл, – заговорил Теольминт, – ваши помыслы грандиозны, но почему бы всё-таки не начать их воплощение с небольшой ночной вылазки в деревню и джунгли?

Прежде чем ответить, Вельсиолл поглядел на море, туда, где скрылся корабль. Вместе с ним ушёл за горизонт Танцор Вихря Айдагилль, и Улианта до сих пор держалась, чтобы не обернуться назад. Теольминт рвался в разведку и страдал от бездействия, а ведь именно за его характер Вельсиолл и взял его на остров Рокушима. Он решил сделать шаг навстречу своим спутникам и посвятить их в сложности посольства:

– Дело в том, Теольминт, что Совет нашего Дома не желает вмешиваться в междоусобицу кхатазов. Нашему посольству запрещено давать обещания о поддержке, поднимать оружие за одну из сторон, и подписывать любые соглашения. Нашему посольству запрещено совершать действия, которые могут быть расценены, как вмешательство. Ночная вылазка на берег может вызвать ненужную и непредвиденную реакцию со стороны местных жителей.

– То есть мы проделали такой путь, чтобы посмотреть, как кхатазские лорды режут друг друга? – то ли спросил, то ли возмутился Теольминт.

– Кхатазы – мудрый народ, и не начнут резать друг друга, пока не собран урожай. Это произойдет через две недели – к этому времени мы должны быть далеко от острова. Именно поэтому мы так спешили к ним. За пять дней нам предстоит

узнать о причине междоусобицы и возможных последствиях, встретившись со всеми лордами острова. Пока мы знаем, что она вызвана странной гибелью лорда Року на охоте с участием двух его сыновей, лорда Табиючи и местной знати.

– Классический случай! – Воскликнула Улианта. – Предположу, что какого-то одного лорда на охоте не было, и его обвинили в убийстве.

– Я не сомневался в твоём уме, Улианта. Отсутствующий лорд – это старший сын Року – Хотаро. Против него объединились двое его младших братьев и лорд Табиючи, у земель которого мы и стоим.

Вельсиолл повернулся и медленно зашагал по пирсу в сторону берега. Теольминт и Улианта пошли за ним по правое и левое плечо соответственно:

– Что ж, Совету видней. Я полагал, что мы отправились в эти края восстановить былое величие эльтасмирийской расы. Для начала – возвести сторожевую башню. Хотя бы рядом с этой... таинственной деревней.

– Сними плащ, Теольминт. Кхатазы примут тебя за ожившего демона из их сказаний. Предстанем истинным эльтасмирийским посольством. А насчёт тайн – солнце даст от...

Вельсиолл замолк на полуслове. Он услышал, как одновременно во всех предрассветных тенях кхатазских хижин зародился трепет. Заколыхался на месте, словно прислушиваясь к звучанию уходящей ночи, и потёк в сторону моря. Теольминт и Улианта потянулись к лукам, но Вельсиолл же-

стом остановил их.

– Солнце даст ответ! – договорил он фразу, начатую в ночи.

В этот момент быстрый южный рассвет рассеял тайны: красное марево отбросило тьму в джунгли и выразило силуэты кхатазов. Повинуясь заданному ритму жизни, мужчины и женщины – рыбаки и их жёны, уже высыпали из прижатых друг к другу хижин и, шелестя босыми ногами по песку, погружались в повседневные дела. Мужчины-рыбаки, разбившись на пары, тащили к морю высохшие сети. Женщины устремились кормить живность, которая, почувствовав защиту людей, не преминула радостно захрюкать, заклекотать, замычать. Деревня ожила так же резко, как и отступила тьма. Длинный пирс, как копьё рассекал бухту, окружённую подступившими вплотную к морю джунглями. Люди обжиwali узкую полосу песка между морем и лесом. Стоящие на сваях хижины одинаковой прямоугольной формы заполнили уже больше половины бухты. Вельсиолл подумал, что ещё несколько поколений деятельной человеческой жизни, и деревня превратится в порт. Но пока места под хижинами занимали не торговцы, а домашний скот. Наконец люди заметили троих незнакомцев, стоящих на краю пирса.

Все замерли.

Замешательство длилось три спокойных удара эльтасмирийского сердца. За это время Вельсиолл отметил для себя, как быстро действуют местные крестьяне. Их отличали

от других приморских народов Западного Биртронга, живших южнее, слаженность действий, спаянность эмоций и отсутствие паники. Первый удар – кхатазы, жмурясь от солнца, изумленно всматриваются в эльтасмириев. Второй – тревожно переглядываются между собой, перекидываясь одиночными словами, напоминая стайку встревоженных птиц. Третий – кхатазы одновременно приходят в движение и бегут со всех ног обратно в хижины так же слаженно и в полной тишине.

Впечатление портил только один из рыбаков – молодой миловидный юноша, чертами лица больше похожий на девушку. Он обернулся, бросив любопытный взгляд и, споткнувшись, потерял широкополый головной убор, упавший недалеко от пирса.

Эльтасмирии остались одни.

– Архонт, соломенные шляпы такого плетения редко носят простолюдины, тем более, утром, когда солнце еще не в зените. – Прошептала Улианта. – Чаше их надевают Поющие мечи для тёмных дел, горные монахи-отшельники или убийцы. А тут рыбак да с ночи. Разглядеть её поближе? Вдруг я ошибаюсь...

Не успел Вельсиолл ответить, как отозвался Теольминт:

– Один хромой кхатаз убежал в лес. Догнать его?

Юный Вельсиолл почувствовал, как быстро утренний воздух набирал солнечное тепло. Он вдохнул остатки растворяющегося в жаре ночного бриза и спокойно произнёс:

– Мы – эльтасмирийское посольство. Мы ждем здесь.

В тот же миг затихли люди, мелькавшие среди хижин, и на тропинке, служившей деревне единственной улицей и ведущей от джунглей к пирсу, показались двое кхатазов. Один из них – седовласый сгорбленный старик, шаркал ногами по хрустящему песку и шел к эльтасмириям как на казнь. Второй же был первым из увиденных архонтом кхатазов, кто носил обувь и оружие – плетёные сандалии и тонкий, слегка изогнутый, меч в ножнах. Он шёл так, словно не имел к происходившей в деревне суете никакого отношения. Старик же, крихтя и притворяясь старше, чем был, пристально смотрел только на одну вещь – лежащую на пляже соломенную шляпу. Кхатазы остановились так, чтобы между ними и обронённым головным убором сохранялось ровно то же расстояние, что и между чужаками. Они молча смотрели на незнакомцев и бросали быстрые взгляды на море. Хотя их сосредоточенные лица не выдавали чувств, Вельсиолл понял, что они удивлены отсутствием корабля, или делали вид, что удивлены. Стояла тишина, нарушаемая только криками чаек, парящих над рыбацкими лодками.

– Я есть Кироси. Я – Поющий меч лорда Табиючи. – Громко и отрывисто, словно отдавая приказ, произнёс воин на всеобщем языке, и положил руку на рукоять меча, тем самым бросая вызов любому, кто осмелится подвергнуть его слова сомнению. Вельсиолл заметил на оголённой кисти воина белую полосу кожи, не подвергшуюся загару. Не так давно

Кироси отсекли руку, но лорд счел нужным оплатить ценные труды колдунов, чтобы приживить её. Выдержав рискованную паузу и, дождавшись максимального напряжения в воздухе, архонт произнёс:

– Я – Вельсиолл Иден’Гвейон, архонт Дома Весеннего Шторма. Эти господа – моё посольство. Мы откликнулись на зов лорда Табиючи и желаем встретиться с ним.

Поющий меч сделал шаг вперед:

– Лорд Табиючи велел встретить посольство эльтасмириев. Посольство должно прибыть на корабле. Я вижу эльтасмириев. Я не вижу корабля.

Старик, так и не представившись, сделал неуверенный шаг вперед. Он странно дрожал, словно мёрз под лучами солнца. Но архонт не обращал на него внимания. Он вспомнил, как читал в летописях про мгновенный тайный удар Поющих мечей, отразить который не мог никто, включая самих Поющих мечей. До возможности нанести его оставалось два шага. И три ответа...

– Минта’эдвен-Эарини ушла в море напрямую через отмель. Мели и рифы не являются преградами для наших кораблей. Сейчас судно за горизонтом. Никто не должен узнать о визите раньше времени.

Следующую фразу Кироси сказал почти неслышно, делая ещё один шаг. Теперь из крестьян его слышал только старик:

– Я вижу эльтасмириев-воинов. Я не вижу походных мешков. Я не вижу походной еды. Я не вижу писарей, прислуги,

лошадей. Я не вижу посольства.

– Мы и есть посольство! – Глядя прямо в глаза оппоненту, мягко и коротко ответил Вельсиолл, и сделал другим эльтасмириям незаметный знак, от которого Улианта похолодела, а Теольминт незаметно улыбнулся. Чайки с криками взметнулись в небо. В хижинах замерли кхатазы. В сердце старика зародилась надежда. И...

– Вступайте на землю лорда Табиючи... – сделал последний шаг Поющий меч Кирози. Все три эльтасмирия одновременно и плавно, не провоцируя нападение, шагнули вперёд.

– ...в деревню старосты Акиры. – Он указал рукой на своего спутника. – И будьте гостями.

Сразу после этих слов Кирози убрал ладонь с рукояти меча. В ответ Вельсиолл демонстративно поглядел на шляпу и улыбнулся. От этого Поющий меч покраснел, будто ему неловко за что-то, а староста побледнел, и его глаза наполнились обречённостью. Поющий меч кивнул головой в знак согласия с какими-то своими мыслями и также улыбнулся в ответ. Он громко произнёс фразу на кхатазском языке, от которой Акира побледнел ещё сильнее.

Из хижины выполз тот самый рыбак, что, споткнувшись, потерял свою шляпу. Он прикрывал лицо трясущимися руками. Как только до Кирози оставалось три шага, раздался свист меча. Незаметным даже для эльтасмириев рывком, Кирози выхватил оружие и разрубил юного кхатаза. После, как ни в чём не бывало, он одним резким движением стряхнул

кровь с лезвия, убрал меч в ножны и, широко улыбаясь, дружелюбным жестом пригласил застывших от неожиданности эльтасмириев пройти по тропинке к джунглям.

– К сожалению, рыбаки выйдут в море лишь сейчас. А пока староста Акира сможет угостить вас фруктами и соком. Вы можете гулять по всей деревне и, как сказал сам лорд Табиючи, «разговаривать с лесом». Если же вы желаете вздремнуть с дороги, для вас разогреют три камня. На них очень хорошо спится!

Староста Акира вдруг заплакал, и, убирая слезы, забормотал:

– Ох, мои старые глаза... вечно слезятся от солнца.

Кирози не обращал на него внимания:

– Господин Табиючи велел сопроводить вас в его замок со всеми почестями, как только вы прибудете на остров. – Сказал Поющий меч, когда они подошли к ближайшему к джунглям самому большому дому поселения. – Для этого я отправляюсь в соседнюю деревню за достойными посольства архонта Вельсиолла лошадьми. Мы выдвинемся в замок лорда Табиючи после полудня.

Произнеся это, Кирози вежливо кивнул головой Вельсиоллу и пошёл по тропинке в сторону джунглей, оставив посольство наедине с плачущим старостой.

– Здесь всё не то, чем кажется. – Глаза Вельсиолла засияли. – Да, Поющий меч выглядит так, как я и ожидал. Но странная шляпа рыбака... Чрезмерное ночное спокойствие

деревни. Сбежавший в лес рыбак. Мы разделимся, чтобы выяснить всё, что нам следует знать перед встречей с лордом Табиючи!

– В таких случаях тактики советуют не разделяться. – Сказал Теольминт.

– В таких случаях слушают приказы архонта. Вы вдвоём проследите за убежавшим кхатазом и Поющим мечом. Поговорите с джунглями – они подскажут, где эти люди. Я же побеседую со старостой деревни своим методом.

– Господин архонт! – Вдруг воскликнула Улианта, от волнения переступая с ноги на ногу.

Он вопросительно поглядел на нее.

– Мне кажется... этот староста не просто человек. Он колдун!

Вельсиолл лишь кивнул Улианте в сторону леса, указывая, что нужно делать. Приказ Вельсиолла, хоть и шел вразрез с чувством самосохранения, был по сердцу Улианте и Теольминту. Ведь он позволял объединиться с лесом – одной из трёх стихий древней расы эльтасмириев. Будучи детьми природы, они не просто любили деревья – они умели с ними разговаривать, просить помощи и пользоваться Силой Леса. Их глаза азартно заблестели. Улианта и Теольминт устремились в лес, вызвав удивлённый взгляд архонта. Никогда ещё он не видел такой прыти от своих спутников, любящих поразмышлять перед любым своим действием.

Эльтасмирии углубились в джунгли, на расстояние, доста-

точное для того, чтобы даже сверхострый слух архонта не смог уловить их слов. Они заговорщицки оглянулись назад, обнялись и слились в поцелуе. Теольминт повалил Улианту на землю, но она отстранилась, упёршись локтями в его грудь:

– Он всё знает!

– Айдагиль?

– Архонт! Как он догадался про нас?

– С чего ты взяла, что он догадался? – Ответил вопросом на вопрос Теольминт, неспешно освобождаясь от кожаных доспехов. – Он вчерашний мальчишка, и это его первое посольство. К тому же, только что из-за его лишней улыбки погиб невинный кхатаз. Он отправил нас в лес, чтобы остаться одному.

Рассуждения Теольминта не устроили Улианту:

– Ты совершенно не знаешь его! Тебе не показалось странным, что Айдагиль так легко согласился с его решением?!

– Айдагиль – истинный воин, и не может не подчиниться архонту. Так же как и мы с тобой. Наш приказ – слиться с лесом. Вдвоём. – Прошептал последнее слово Теольминт и вновь потянул Улианту к себе, но она вырвалась из его объятий.

– Вельсиолл настоял, чтобы именно Айдагиль вошел в команду Минта'эдвен-Эарини. Сразу после того, как я добилась этого права самостоятельно. И вот теперь он не взял его на берег. Почему?

Теольминт поглядел на нее с лёгким раздражением:

– Айдагилль – претендент на твоё сердце, и тебе не стоит спрашивать об этом у меня. Я – простой лучник, и здесь не для того, чтобы тонуть в ваших благородных интригах.

Улианта недовольно поглядела в сторону и продолжила уже не так уверенно:

– Он – архонт и умеет читать мысли. Он мог сделать это на пирсе или даже на корабле. Что ты делаешь?

– Ты поэтому так неприступна? – Прошептал Теольминт. – И не читать мысли, а видеть память...

Теольминт наконец коснулся ладоней Улианты.

– Он видит память глазами собеседника, и то, только за последние сутки. Да и делает это крайне редко. И мы с тобой оба знаем, что после слияния с лесом наша память уподобится бездонному колодцу. Он ничего не узнает, даже если вдруг решит испытать свой дар на нас.

Улианта успокоилась, и позволила Теольминту обнять себя.

– Твои прекрасные волосы. – Коснулся он её локонов. – Ты потратила свою питьевую воду, чтобы встретить родные берега во всей красе.

Улианта улыбнулась, и положила голову на плечо Теольминта.

– Ты замечаешь, что другие не видят в упор.

Вместо ответа Теольминт поцеловал Улианту.

В отличие от светлых лесов их родного острова, пол-

ностью пропитавшегося эльтасмирийской магией, джунгли острова Рокушима источали дикую природную силу. Она манила, пьянила и бросала вызов уверенным в себе гостям с Юга. Улианта и Теольминт вознеслись по разломанным и прогнившим стволам деревьев, задушенным насмерть лианами, на второй ярус, обнялись на ветвях и стали частью Леса. Слияние позволяло видеть, слышать, чувствовать то, что происходит в джунглях на несколько лиг вокруг. И, если лес позволял и открывался навстречу, то образы проникали в сознание эльтасмириев ярким потоком. Подобные слияния открывались лишь для опытных представителей народа, ибо молодые и неискушённые, но слишком уверенные в своих силах, эльтасмирии могли сойти с ума, не справившись с потоком и не умея отсеивать видения. Подобное нередко случалось с детьми, нарушившими запреты старших.

Внутреннему взору Теольминта и Улианты открылись окружающие пространства. Кругом благоухал бамбуковый лес, рвущийся к свету сквозь кроны могучих кедров. Некий неведомый садовник рассадил хвойных гигантов, вдохновляясь, видимой только с высоты птичьего полёта, геометрически выверенной красотой. Она даровала каждому из кедров свободу для роста и позволила тянуться к небесам столетиями. Бамбук, подобно бунтующему юноше, искал в этом тенистом мире своё место под солнцем. Эта незримая битва растянулась в обширной, на сутки эльтасмирийского пути, долине. С двух сторон её подпирали узкие и невысокие гор-

ные хребты, чьи скальные вершины раскрошились от старости. Но и их было достаточно, чтобы лес забыл о холодном дыхании далеких северных широт и наслаждался тропическим уединением, длящимся круглый год.

Однако в этой лесной гармонии таилось нечто загадочное. Диссонанс с лесной стихией вызывала отчуждённая от леса полянка правильной круглой формы в десяти минутах лесного пути эльтасмирия и часу того же пути человека. Именно к ней бежал хромой кхатаз, ломая персты леса – побеги и молодые деревца нижнего яруса, придавливая нервные окончания – грибы на скользких остовах павших деревьев. Поющий меч в это время шёл вдоль берега по кромке джунглей, время от времени останавливаясь и замирая. Он не ломал побеги и не наступал на грибы, но деревья боялись тёплой стали его оружия, срезавшего не одну лиану и срубившего не одну ветку.

Прочие образы отсеялись сознанием двух эльтасмириев, хотя в иных условиях они бы наверняка заинтересовались и мелкой междоусобной стычкой хартов – разумной лесной расы, отрядом гоблинов бесшумно крадущимся за лесным троллем, гигантским человеком с огромным волосатым хоботом вместо носа, поедающим фрукты с деревьев и другими занимательными событиями в разных частях большого леса...

Улианта и Теольминт вышли из слияния с расширенными зрачками.

– Он!!! Он превосходен!!! Этот ...эти дикие земли... – только и смогла сказать Улианта.

Несколько мгновений эльтасмирии приходили в себя, разглядывая собственные ладони и прислушиваясь к дыханию.

– Теперь и нам нужно разделиться. – Вернулся к делу Теольтминт. – Поющий меч сказал, что идёт за лошадьми. Здесь достаточно моего наблюдения. Хромой человек бежит сообщить о нашем прибытии в потаённое место. Даже сам Лес не знает, что скрывается на поляне. Здесь понадобится твоё знание культуры и языка.

– Нет! – Неожиданно резко прервала его Улианта. – Нам нельзя разделяться!

Теольтминт не ожидал подобного напора от вечно сомневающейся, избалованной дочери посла, выросшей в окружении взрослых. Он вопросительно поглядел в ее васильковые глаза. Улианта не успокаивалась:

– Он не следопыт, а простые кхатазы не уходят в дикие владения природы в одиночку. Этот человек вступил в смертельный поединок с нетронутой людьми землёй, чтобы кого-то предупредить. Он рискует жизнью напроста!

После слияния Улианта словно забыла слово «лес», перебив доселе безгласную мудрость грохочущей вокруг стихии. Теольтминт увидел её отражение в глазах стоящей перед ним Улианты. Не говоря ни слова, он вынул из сумки плащ из лоскутов кожи лесных хамелеонов и первым исчез из вида щебечущих птиц, наблюдавших за эльтасмириями с третьего

яруса могучего леса, залитого расплавленно-зелёным утренним светом...

Глава 3

...Для просмотра чужой памяти Вельсиоллу, как и всем архонтам, нужно было вести диалог, глядя собеседнику прямо в глаза. Это он и подразумевал, говоря о беседе своим методом. Через несколько фраз сознание архонта незаметно проникнет через колодец зрачков в воспоминания последних суток старосты, и он увидит образы событий так, как они запомнились собеседнику. Но после ухода Поющего меча Акира совсем раскис. Он беззвучно плакал, упершись взором в пол, прислуживал архонту и всё время бормотал непонятную фразу:

– Не солнце сожгло тебя... Не солнце...

Вельсиолл ожидал столкнуться с чем угодно, но не со старческой немощью незнакомого простолюдина. Во время пути на остров Рокушима, в своих мечтах архонт выстраивал длинные словесные и оружейные поединки с благородными Поющими мечами, кхатазскими лордами и всегда выходил из них победителем. Но он не знал, что противопоставить слезам из выцветших глаз и трясущимся рукам, испещрённым сетками иссохшихся сосудов. А тут и дневной бриз, словно коварный доносчик, сообщил Вельсиоллу о хрусте белоснежного песка, по которому волокли тело убитого кхатаза.

Но архонт Вельсиолл не был бы главной надеждой Дома

Весеннего Шторма, если бы отступил перед трудностями.

– Я должен совершить проникновение в сокровенное «Я» разумного существа, – заговорил он со старостой на эльтасмирийском языке, что было равнозначно разговору с самим собой, – и путь к нему возможен по трём дорогам. Разума. Эмоций. Тела.

Вельсиолл осторожно, словно боясь обжечься, положил руку на плечо Акиры. К замешательству архонта, старик не шелохнулся. Он плакал, выдавливая в бамбуковую кружку сок из апельсина, и всё бормотал одни и те же слова: «Не солнце сожгло тебя...». Через кожу перчатки Вельсиолл ощутил, как в старике угасает жизнь. При этом его внутренние органы были здоровы, хоть и порядком износились в ходе полной труда жизни. Архонт понял, что старик силой обездумившей воли убивает сам себя. Вернувшийся с лошадьми для посольства Поющий меч Кириси увидит результат исполнения своего приказа – наполненную кружку апельсинового сока. А вместе с ней мёртвого старосту деревни лорда Табиючи и единственного свидетеля – посла Дома Весеннего Шторма.

– Хм... твой разум замутнён, старик. Ты словно спал много дней до того, как увидел сегодняшний свет. – Вельсиолл перешёл на тайный диалект Дома Весеннего Шторма, проговаривая каждое слово вслух, чтобы убедиться, что его впечатления не есть насланный колдуном или шаманом морок. – Эмоции подобны бурному весеннему потоку далёких север-

ных рек...

Архонт поднялся на ноги и обошёл старосту по идеально ровному кругу. В следах после его шагов отпечатывалась линия из переплетённых меж собой рун, выдавленных на подошвах сапог. Как только она замкнулась, Вельсиолл резко зашёл внутрь круга и произнёс:

– Остаётся твое тело!

Он сдёрнул перчатку с руки, распрямил пальцы и приложил ладонь к спине старика прямо напротив его сердца. Акира удивленно поглядел на архонта, прежде чем живительная волна высушила его слёзы и вызвала прилив энергии и вспышку положительных эмоций.

Вельсиолл знал, что прямо сейчас, на волне эмоциональной эйфории, старый человек способен открыть свою память.

– Этот сок для меня, староста Акира?

– Для вас, господин архонт.

...Тайком от бесхитростной крестьянской тропинки, плетущейся в сторону таинственной поляны, змеилась неприметная для обычного взгляда тропа следопытов. Эльтасмирии без труда заметили её с высоты второго яруса джунглей, по которому предпочитали перемещаться.

– Вот здесь-то мы точно разделимся. Ты иди за кхатазом, а я пойду по тропе следопытов. – Не терпящим возражения тоном, заявил Теольминт. Улианте оставалось только сми-

ренно кивнуть головой. Она легко настигла хромого рыбака, разглядывая его взмокшую от пота и прилипшую к спине рубаху.

– Человек содрал ноги в кровь. – Сообщила спутнику Улианта, имитируя пение птицы.

Она бесшумно передвигалась по остову поваленного кедра, задушенного лианоподобным бамбуком, и осматривала свои длинные золотистые волосы. Поздно вечером она потратила весь отведённый ей на корабле суточный запас питьевой воды, чтобы хорошенько помыть их. После такого долгого перерыва её настоящая родина должна была увидеть Улианту во всей красе. Последние дни её душу будоражили подростковые воспоминания, в которые ей так нравилось окунаться. Ещё раз прочувствовать неспешный ритм обманчиво спокойных кхатазских переговоров, способных в любой момент потонуть в беспощадном насилии. Каждый раз, когда это могло коснуться беззащитного ребёнка по имени Улианта, на пути насилия вставали статные воины-эльтасмирии из посольства отца. И страх растворялся, уступая место щекочущему нервы сладкому чувству полной защищённости. Сейчас же вместо этого внизу мелькала спина хромого кхатаза. Главный остров провинции Року предложил своё видение того, как нужно встречать Улианту, рождённую хоть и в Кхатазской империи, но всё же далеко от этих мест.

«Что ж, впереди пять дней, обещанных юным архонтом, и ими следует насладиться в полную силу» – подумала эль-

тасмирийка, и только тут поняла, что незаметно для себя заплела волосы в косу.

– С моей тропой что-то не так. – Ответил настороженным птичьим криком Теольминт.

Они одновременно остановились, подчиняясь врождённому чувству опасности.

– Я как будто не узнаю её, хотя вижу в первый раз. Я спущусь вниз и рассмотрю поближе.

– Будь осторожен! – Смятенно пропела Улианта.

– Гляди, чтобы на человеческую кровь не сбежались хищники! – нашёл место для шутки Теольминт.

Улианта огляделась по сторонам и заметила, что все следы присутствия зверей остались позади, там, где тропинка ещё была дорогой и ответвлялась от тракта лорда.

– Тропа заброшена месяца два назад. – Сообщил Теольминт, и даже через подражание птичьим крикам передалось его удивление.

В этот миг оба эльтасмирия осознали, что их голоса звучат в полной тишине.

Джунгли безмолвствовали...

...Первое же воспоминание кхатаза причинило Вельсиоллу физическую боль. Староста Акира сидел на земле, на поляне, окружённой едва видимыми в ночи исполинскими кедрами. Нижняя часть тела кхатаза частично развоплотилась, впитывая, подобно губке, силу кхатазских джунглей. Это со-

стояние и причиняло старику страдания, переданные Вельсиоллу. Сила проходила через нервную систему человека и разливалась в воздухе через кончики пальцев, поднятых высоко над головой. Вельсиолл понял, что старик, оказавшись, как на то и указала Улианта, колдуном, насыщал силами окружающих его растений мириады невидимых в ночи живых существ, парящих в воздухе. Неизвестное архонту заклинание собрало их воедино и время от времени обрушивало на то, что колдун Акира видел прямо перед собой – на мерцающую полупрозрачную сферу, заполнявшую всю поляну. Внутри сферы, через залитые слезами глаза старика, Вельсиолл увидел хижину, сплетённую из бамбуковых стеблей. Вельсиолл догадался, что мерцание – это граница яви и обители духа, преодолеть которую и стремился колдун, подерживая заклинание.

Хижина освещалась раскаленным до жара песком поляны, и сквозь вырезанное в бамбуке окно Вельсиолл увидел испуганные глаза на покрытом копотью лице. Архонт догадался, что в хижине прячется дух, противостоящий заклинанию, что медленно, но неуклонно проникало в его обитель...

...Теольминт почувствовал себя персонажем дурных людских сказок, в которых лес противостоял человеку. Тех, где испуганные герои слышат гулкие удары собственного сердца. Где опасность подстерегает на каждом шагу. Где любой хруст вызывает панический страх. Всё это Теольминт мог

бы испытать, будь он человеком. Но его обострённые чувства эльтасмирия ясно говорили – на несколько сотен шагов вокруг поляны, к которой они приближались, не было ни единого живого существа. Теплокровные звери, хладнокровные змеи, даже птицы покинули это место, оставив лес в одиночестве. Тишину резал лишь хрип измождённых лёгких хромого кхатаза. Теперь Теольминт убедился в правдивости слов Улианты – человек вёл собственный поединок с лесом, которого, судя по дурным глазам, очень страшился.

Эльтасмирии встретились взглядами и молча устремились к поляне. Ещё на подходе они слышали пчелиный гул. Два десятка шагов и им открылась необычная картина. Сразу несколько ульев окружали поляну по периметру. В воздухе добродушно жужжали мириады пчёл, круживших, но не вылетающих за пределы леса, словно держа поляну в осаде. Не останавливаясь, Улианта вынула из сумки и вылила на свою пахнущую морем одежду склянку с раствором календулы – растения, отпугивающего насекомых. Она показала склянку Теольминту, но тот лишь накинул на голову капюшон плаща.

Хромой кхатаз все ещё спешил к поляне и эльтасмирии успели обогнуть её, осматривая с высоты второго яруса леса. После приглушённого света джунглей она, покрытая мелким розоватым песком, сияла так, что заставляла прищуривать глаза. Из-за песка, не позволявшего траве и побегам бамбука пробиться к свету, растительность на ней отсутствовала. Но

не только по этой причине для леса поляна являлась слепым пятном. Благодаря родству с природой эльтасмирии чувствовали, что под песком нет останков срубленных деревьев и даже корней. Тот, кто сотворил эту поляну, сумел раздвинуть джунгли.

Эльтасмирии вынуждены были двигаться тихо, безмолвствовать, и держать расстояние между собой. Они чувствовали исходящий от поляны жар такой силы, что любая пчела, посмевшая залететь на поляну, тут же лишилась бы всей жидкости миниатюрного тела и упала бы засохшей мумией на песок. При этом убивающий пчёл жар ничего не мог поделать с плетеной из бамбука хижиной, стоящей в центре поляны. Не успела Улианта поразмыслить, кто мог так переплести столь толстые и сухие соломины бамбука, как из хижины вышел человек. Из одежды на его измождённом теле болталась только длинная, до колен рубаха самого простого покроя. Необычно было то, что материалом для неё служил шёлк – ткань, доступная только аристократам и то, что она была красного цвета – цвета, по местным поверьям, отпугивающего демонов. Увидев это, Улианта уже не удивилась, что отшельник ходил босиком по раскалённому песку.

Ровно в этот же миг к поляне подбежал, шумя как вепрь, хромой кхатаз. Он увидел отшельника, и его лицо озарила счастливая улыбка. Почувствовав жар, он отшатнулся назад, отмахнулся от пролетающей мимо пчелы и рухнул на колени, опустив взгляд в землю, оставив эльтасмириям наблюдать за

тем, что происходит вокруг него.

Коснувшееся человека насекомое взмыло вверх, огибая по дуге полянку и пролетая сквозь пчелиные рои. Каждый раз, когда это происходило, рой распадался, как проткнутая рыба-пузырь, и пчёлы рассаживались по листьям. К тому моменту, когда она облетела поляну, вокруг установилась полная тишина. И Теольминт наконец-то услышал гулкие удары собственного сердца. Пчёлы сидели не долго. Стоило кхатазу зашевелиться, как они поднялись с листьев и окружили его тёмным облаком.

– Они уже здесь! – успел выдохнуть кхатаз, прежде чем жужжащие насекомые облепили его со всех сторон.

– Заходи на поляну! – приказал ему отшельник, произнеся эту фразу на всеобщем языке, но было поздно.

Хромой рыбак вяло отмахивался от пчёл, пытался поползти до спасительного песка, но когда до него оставалось два шага, насекомые разом ужалили его. Он вскрикнул и распластался на земле. Оставшиеся в живых пчёлы тотчас утратили интерес к опухающему телу человека и собрались в пять гудящих шаров по разные стороны от поляны. Отшельник продолжал звать своего гостя и эльтасмирии уже начали переглядываться друг с другом, решая, что делать дальше, как вдруг хромой кхатаз резко поднялся на ноги, словно вздёрганый невидимыми нитями. Его взгляд устремился в то место, с которого Теольминт начал обследовать поляну. Туда же рванулись два роя пчел.

– Я знаю, что вы пришли. – С трудом произнёс на всеобщем рыбаке, и Улианта поняла, что этот человек впервые в жизни говорит на неизвестном для себя языке. – Мои «пальцы» чувствуют вас.

Шатаясь, как заправский пьяница, кхатаз махнул рукой, и тотчас третий рой пчёл закружился вокруг него. В этот момент его левый глаз лопнул, но вопреки всем человеческим реакциям, на его лице появилась уже знакомая счастливая улыбка. Кхатаз произнёс фразу на непонятном, но в то же время знакомом для эльтасмириев языке... знакомом до боли, потому что вырывающиеся из глотки человека слова отдавались в их телах спазмами несуществующих и ужасных воспоминаний. Кошмарный рыбак огляделся вокруг, и его лицо приняло другое выражение. Он словно понял что-то, и улыбка сползла с лица.

– Убирайтесь прочь с острова! Прочь с острова! Прочь... – закричал кхатаз с необъяснимой горечью в голосе, и с каждым словом его вопли слабели. Он упал на землю и закатился внутрь поляны.

Улианта медленно отступила в лес, стараясь не шуметь. И если она успела отойти на достаточное расстояние, то её спутник, находившийся ближе к поляне, вынужден был задержаться. Рой почувствовал эльтасмирия и направился к нему. Теольминт лишь скупо улыбнулся, плотнее натянул капюшон и взялся за гарду меча. Сердце Улианты защемило от предчувствия беды. Не выдержав, она закричала что есть

силы:

– Я здесь!!!

Гудящие шары замерли в воздухе. Обволакивая деревья, они потянулись в сторону Улианты, закрыв живой сетью все пространство от почвы до верхушек деревьев. Эльтасмирийка спрыгнула с разлапистой ветки кедра вниз, в гущу борющихся за место под солнцем папоротника и бамбука и, издавая как можно больше шума, побежала прочь. Живая пчелиная сеть двигалась медленно, цепляясь за плотные заросли трав и деревьев. Стремительная Улианта чувствовала её неравномерное передвижение и уже знала, что стоит ей приблизиться к рухнувшему кедру, проредившему лес подобно исполинскому мечу, как пчёлы сумеют настичь её. Когда до упавшего дерева оставалось несколько шагов, до неё донёсся возглас Теольминта:

– Беги по стволу!

Напарник оказался заметно расторопней Улианты и уже ждал её впереди. В руке он держал мешочек с бутонами высушенных степных цветов, наполненных заговорённой смесью мяты и базилика, перетёртой в мельчайшую пыль. Эльтасмирийка догадалась, что он собирается сделать. Окрылённая надеждой на спасение, она взмыла на поваленный кедр и устремилась вперёд. В это мгновение пчёлы настигли Улианту. Три самых быстрокрылых из них сели на кожаные доспехи. Остальные начали обвивать её смертоносным облаком, но в этот момент Теольминт метнул горсть бут-

нов под ноги девушки. Облако из отпугивающей и токсичной для насекомых смеси взметнулось вверх, и Улианта исчезла в нём. Исчезла она и для роя пчёл. Насекомые забыли про свою жертву, бросившись врассыпную. Огромный рой рассыпался.

Улианта отбежала от упавшего некогда кедра на несколько десятков шагов и уже успокоилась, как вдруг почувствовала щекочущее прикосновение пчелиных лапок, и вслед за этим резкую боль, пронзающую тело. Три жала одновременно вонзились в гладкую кожу её шеи. Улианта ощутила, как они, подобно змеям, протиснулись глубже и растаяли в сонной артерии. Её ноги подкосились, и она едва удержалась, чтобы не упасть на землю. Где-то позади неё, рядом с обжигающим жаром поляны, пчелиные «пальцы» искали, но не могли найти её, сбитые с толку облаком мятной пыли. Время вдруг потекло вспять, и Улианта схватилась за виски, чтобы отогнать чужие воспоминания, обжигающим потоком устремившиеся в её разум.

– Ты в порядке? – Спросил внезапно возникший рядом, Теольминт, и эльтасмирийка пришла в себя.

–Я...я видела...

Слова давались ей с трудом. Она поднялась на ноги, хватаясь за лианы, как это делал хромой рыбак. Находясь в каком-то забытьи, она вместе с Теольминтом побежала по джунглям, уже не в силах подняться на второй ярус. Преодолев три четверти пути, они остановились, чтобы перевести

дух. До их чутких ушей доносился сквозь лес манящий шум моря. Эльтасмирии молчали, успокаивая мысли и подбирая слова, чтобы объяснить архонту увиденное. В этот момент Улианта почувствовала запах пота...

Человеческого пота...

Она резко развернулась и увидела прямо перед собой хромого кхатаза.

– Бойтесь Первого над Цветками! – Проговорил он голосом отшельника с поляны и рухнул замертво...

Некая сила выдернула колдуна с поляны в джунгли. Тьма ночи сомкнулась вокруг, и теперь Вельсиолл слышал лишь гул, доносящийся сверху. Обессиленный колдун готов был рухнуть на землю, но невидимый в ночи человек подхватил его, усадил на свою хрупкую, по сравнению с сокрытой в мышцах силой спину, и бесшумно понёс прочь.

Вельсиолл чувствовал носом колдуна благоухание леса острова Рокушима, но совершенно не слышал присущего ему ночного гвалта. Движение происходило в противоестественной для джунглей тишине, прерываемой лишь по-кошачьему тихим дыханием невидимого в кромешной тьме носильщика. Вдруг, ровно в тот момент, когда в джунглях вновь появился птичий гвалт, старик заговорил, впервые за всё время воспоминания:

– Обещанные гости близко. Я чувствую их корабль.

Тотчас носильщик сбавил ход и, к удивлению Вельсиолла,

заговорил тонким девичьим голосом:

– Мы не успели?

В ответ колдун выдохнул:

– Нужна еще ночь, и Второй Цветок падёт. Всё будет готово к Первородному сну.

– Но они... Они уйдут в замок!

– Задержи их! Опреди Кироси!

– Но как?

– Выйди в море вместе с рыбаками. Попади на корабль!

– Я отвыкла от дня, отвыкла от солнца. Оно сожжёт меня.

– Надень мою шляпу. Я оставил её в доме.

В этот момент носильщик вышел из джунглей на узкую полосу пляжа, и в рассеянном свете луны Вельсиолл увидел её лицо.

Её, не его, зарубил Поющий меч Кироси ранним утром первого дня посольства Дома Весеннего Шторма.

Глава 4

Спутница эльтасмирийского лорда выглядела оторопелой и время от времени поглядывала в джунгли. Вернувшись с конями, Кироси понял, что именно она совершила вылазку к хижине отшельника, но каким-то чудом осталась в своем уме. Тем более это было удивительно для столь утончённой девушки. Два других морских гостя не выказывали признаков беспокойства. Второй спутник лорда безошибочно выбрал из трех десятков женщин деревни единственную молодую вдову и теперь мило обсуждал с ней силу ветра, дуящего с юго-запада в начале сезона дождей. Мило, насколько это возможно для высокомерного эльтасмирия. Поющий меч отметил для себя опасность этого эльтасмирия – в его глазах скрывался опыт сражений, прикрытый искорками веселья и постоянного шутивного настроения. Лорд Вельсиолл же сторонился людей и в одиночестве стоял у берега моря.

Кироси решил, что Улианта скрыла от господина увиденное ей в джунглях. Однако рыбаки тайными жестами сообщили Поющему мечу, что она вернулась из леса с невозмутимым лицом, но с круглыми от увиденного ужаса глазами, и долго что-то рассказывала эльтасмирийскому лорду. Второй эльтасмирий, знаток морских ветров, тоже уходил в лес вместе с девушкой, но кхатазские мальчишки, прятавшиеся в куче опавшей листвы на кромке джунглей, показали, что

они просто исчезли в тени первых деревьев леса. Их следы прервались, как будто они взлетели к верхушкам, не потревожив даже птиц.

Впрочем, скрытность вряд ли помогла бы морским гостям при столкновении с отшельником. Этот таинственный человек долгие годы помогал крестьянам и рыбакам мудрыми советами. Он научил крестьян делать из лечебного отвара камелии укрепляющий разум напиток – чай. Вдохновил рыбаков на возведение длинного пирса. Грамотный Кироси догадывался, что сам Второй Цветок – дух из легенды, покровитель тружеников на земле и море выбрал место для воплощения именно здесь, во владениях лорда Табиючи. Но несколько месяцев назад всё изменилось. Люди, шедшие к нему за помощью, или не возвращались вовсе, или приходили обратно с повреждённым рассудком.

Кироси доложил о происходящем лорду Табиючи. Через несколько дней из замка лорда прибыл босой старик в длинной холщовой рубахе. За ним, держась на расстоянии, плелась молодая девушка. Она устала так, словно впервые в жизни прошла такое большое расстояние, хотя производила впечатление и была одета как простая крестьянка. Внимательного Кироси насторожили и её пальцы, обожжённые маслом, как у уличных торговков жареной рыбой в единственном на острове крупном городе Року.

Старик предъявил письмо с печатью лорда. Господин Табиючи велел выделить колдуну и его ученице «хижину на

кромке леса» и «миску рыбьего супа в тот час, когда рыбаки возвращаются с моря».

Поющий меч Кироси умел находить зёрна истины в скупом потоке слов и сразу понял, для чего нужен рыбий суп. Колдуна следовало оградить от любого влияния джунглей. И пища, дающая ему силы, должна была принадлежать иной – морской стихии.

«Я буду взирать на деревья» – одну лишь фразу сказал колдун. По ней Кироси, учившийся грамоте в столице острова, сразу разобрался, что лорд отправил в деревню не просто Зелёного колдуна, а мастера по наблюдению и оценке, в простонародье – колдуна Леса. Они были совершенно бесполезны в бою, но знали джунгли глубже любых следопытов. Кироси обрадовался прозорливости лорда Табиючи, ведь с деревьями вокруг поляны отшельника и вправду было что-то не так.

Охотники сообщили Поющему мечу о переменах в джунглях сразу после трагического известия о гибели лорда Року. С их слов выходило, что «деревья у поляны сжились с насекомыми». Удивлённый Кироси лично отправился к поляне, но... не дошёл. Навстречу ему попался рыбак, которого Поющий меч узнал только по одежде. Из оплывшей от десятков пчелиных укусов головы рыбака воин услышал загадочные слова, произнесённые на всеобщем языке, которого простолюдин не знал: «Первородный сон грядёт!». После этого рыбак рухнул замертво.

Кироси надеялся, что колдун посвятит всё своё время прочтению лесных следов и разгадке тайны изменившейся поляны отшельника. Но старик закрылся в хижине и не выходил из неё... в отличие от ученицы. Не смотря на слишком юный возраст и явную неприиспособленность к лесу, она без страха уходила одна в ночные джунгли и возвращалась с рассветом. Дни же она проводила в тени хижины, глядя деревенских кошек, полюбивших её с первого дня то ли за нежность, то ли за половину тарелки рыбьего супа, отдаваемой им каждый вечер. Тем не менее, её поведение пугало рыбаков. Они заметили, что юных одногодков девушки, подходивших к ней познакомиться, начинали мучать странные сны. Они просыпались ночью с криками, теряли силы, как после болезни, и только выход в море рассеивал их хворь.

Кироси не устраивали волнения в деревне. Статус Поющего меча позволял ему убить чужаков, как только они начнут вредить интересам лорда Табиючи или рыбацкой общине, находящейся под его защитой, но колдун и девушка не совершали проступков. Убить же их только из-за кошмаров простолюдинов Кироси не мог.

В следующий раз лорд вспомнил о колдуне в преддверии прибытия эльтасмирийского посольства. Целый отряд Поющих мечей прибыл в деревню. Все они были в доспехах, сосредоточены, словно готовясь к битве. Однако всё, что сделали, это передали Кироси письмо с печатью лорда. В нём господин Табиючи назначал колдуна старостой деревни.

Кироси исполнил приказ, объявив об этом собравшимся жителям деревни. Рыбаки повели плечами и вернулись к обыденным делам, ведь новый староста, он же колдун Леса, так и не показался из хижины.

Кироси встретил ночь на пирсе и направился к дому. По пути ему попала ученица колдуна. Она завидела Поющего меча и подобострастно упала перед ним на колени.

– Спокойного сна, господин! – пропела она звонким, заискивающим голосом, но Кироси вдруг показалось, что он уловил нотки сарказма.

Он оглядел девушку сверху, только сейчас обратив внимание, что её платье сшито из лоскутов разных тканей. Портной подобрал под один цвет лён, ситец и даже шёлк, допустимый к ношению только среди благородных женщин. Кироси понял, что девушка вышла из секты, зародившейся недавно среди торгового сословия столицы острова. Они покупали тайны и секреты попавших в беду людей и хранили их в храмах, причудливо сочетавших лавку портовых менял, трапезную и то, что за морями называлось школой танцев. Лорд Табиючи запретил секту в своих владениях, позволив Поющим мечам убивать на месте её представителей. Кироси уже взялся за рукоять меча, но ночное беспокойство джунглей остановило его. Труп мог привлечь лесных падальщиков и ночью, проникнув в деревню, они напугали бы свиней и кур. Кироси был рачительным хозяином деревни и отложил казнь.

На следующее утро он, впервые за много лет, проснулся на целый час позже, чем обычно. Непонятно сколько бы времени ещё длился его сон, но разбужен был Поющий меч испуганными криками рыбаков – посольство эльтасмириев прибыло на остров Рокушима...

Кироси мотнул головой, прогоняя обрывки сновидений, и направился на встречу. Лорд Табиючи отдельно обращал внимание на то, что в посольстве обязательно будет эльтасмирий, называемый архонтом. Он владеет магией и практически неуловим в лесу. На взгляд Кироси архонт казался слишком молодым, но он знал, что эльтасмирии не стареют и не умирают естественной смертью, поэтому за внешней юностью мог скрываться мудрец, проживший столетия. На мгновение в голове Поющего меча мелькнула мальчишеская мысль: подойдёт ли он к нему незаметно, но она сразу же исчезла, ведь если он сможет это сделать, то провокация может вылиться в катастрофу.

Все эти воспоминания пролетели в голове Кироси, пока он привязывал приведённых лошадей к вбитым в песок кольям.

– Всё готово для отправления. – Объявил он официальным тоном.

– Тогда мы немедленно отправимся в замок лорда Табиючи в сопровождении почтенного Поющего меча Кироси.

Воина раздражала манера эльтасмирийского лорда изъясняться так, будто он делал одолжение и в тоже время отдавал

приказы. Но столкнувшись сразу же по прибытии на остров со смертельной и необъяснимой опасностью, морские гости не потеряли лица. В отличие от остальных людей, отправлявшихся к отшельнику.

– Как прошло общение с лесом, архонт Вельсиолл? – Кирози завуалировано поинтересовался о расположении духа эльтасмирийского лорда.

– Мои спутники доложили, что ваш лес великолепен. И чем дальше мы углубимся в него, тем больше наслаждения он доставит нам!

Кирози кивнул в ответ. Архонт Вельсиолл оказался достойным послом.

Вопреки ожиданиям архонта, дорога в замок лорда Табиючи оказалась весьма оживлённой. Она вбирала в себя более мелкие дорожки, идущие из скрытых за стеной джунглей деревень. По этим узким и постоянно петляющим между кедров тропам множество безлошадных крестьян тащили на спинах мешки и вываливали из них рис на листья папоротника, устилающего весь тракт.

Вельсиолл знал, что их сегодняшшний труд тщетен. Чувство моря подсказывало ему, что в движение пришёл морской циклон, и скоро его напоенные океаном массы обрушатся на большую лощину, надменно названную людьми землями лорда Табиючи.

Совпадение или нет, но циклон двинулся именно в тот

час, когда Улианта и Теольминт совершили вылазку к таинственной поляне. Колдун Акира и его последовательница явно хотели, чтобы посольство эльтасмириев, а точнее, сам архонт, оказались там, но меч Кирози нарушил их планы. Следуя приказу Совета о невмешательстве в дела кхатазов, Вельсиолл ничего не сказал Поющему мечу о событиях на поляне. Однако после того как Улианту укусили пчелы, противостояние отшельника и колдуна стало проблемой не только местного населения, но и эльтасмирийского посольства. Чем дальше размышлял Вельсиолл, тем сильнее он убеждался, что ключ к пониманию произошедшего скрывается в непонятых Улиантой и Теольминтом словах, которые произнёс захваченный заклинанием рыбак.

«Возможно всё же придётся взглянуть на их воспоминания» – решил архонт и поглядел на сопровождающего их Поющего меча Кирози.

Едва завидев его, крестьяне незамедлительно падали ниц и неподвижно лежали, пока мимо проходили кони, втаптывая рис и папоротник в пыль дороги. И каждый раз, когда Вельсиолл аккуратно объезжал крестьян, стараясь не наступить на тела, перед его глазами вставало лицо девушки, чей любопытный взгляд стоил ей жизни. Из размышлений Вельсиолла вывел Теольминт, к которому вернулось обычное для него приподнятое расположение духа:

– Как хромой человек мог догнать тебя, Улианта? – Подшутил он, прерывая затянувшееся в пути молчание. – Может

господину архонту следует взглянуть на твою память?

Улианта вздрогнула от подобного безрассудства спутника, но в бурю её чувств ворвались слова архонта:

– Мне действительно следует это сделать, чтобы увидеть воспоминания о той поляне.

Вельсиолл произнёс это на скаку, не оглядываясь назад, и поэтому не увидел, как напряглись его спутники.

Теольминт замыкал посольство, Улианта ехала перед ним и от волнения она обернулась, жаждающая увидеть его уверенный взгляд. Теольминт выглядел растерянным, явно не ожидая такого ответа. Он уже хотел что-то возразить, но архонт, словно услышав его вздох, заговорил сам:

– Я могу сделать это без вашего разрешения, но не стану поступать подобным образом. Мне нужно согласие... от каждого... Я запрашиваю ответа.

– Я опасаясь за вас, господин архонт, ведь мы были подвержены нападению этих странных пчёл. Мы ужалены... оба... – слукавила Улианта. – Возможно, магия или проклятие тех мест повлияет на ваш разум, а этого ни в коем случае нельзя допустить...

Улианта поглядела на спину Вельсиолла и увидела своё взволнованное лицо в отражении идеально начищенного щита Вельсиолла, висящего у него за спиной. Мысль о том, что архонт может увидеть в воспоминаниях её отношения с Теольминтом, повергала эльтасмирийку в ужас. Ажурные линии герба Дома Весеннего Шторма трепетали под натис-

ком бури, творившейся в душе Улианты. Так щит – творение эльтасмирийских мастеров передал её чувства. Она замолкла, подобно взволнованной птице, пролетающей мимо опасного хищника, и зажмурила глаза, чтобы не видеть герб, при виде которого сказала полуправду.

– Отведи воротник. – Вдруг услышала она справа от себя голос архонта.

За те мгновения, что эльтасмирийка находилась во тьме своих переживаний, Вельсиолл замедлил своего коня и почти прижался к ней сбоку. Улианта расшнуровала ворот рубахи и показала архонту следы от укусов.

– Я испытала мимолётное видение, после которого меня постоянно клонит в сон, – пожаловалась она Вельсиоллу, – и...

– Что «и»?! – Резко спросил архонт, отчего девушка словно проснулась.

– Чужие воспоминания попали мне в голову! – Выпала эльтасмирийка.

Вельсиолл перестал истязать её. Прямо на скаку, не сбавляя ход, он прикоснулся к шее Улианты, и ей показалось, что пальцы архонта растаяли и затекли внутрь ран. Впервые с момента укусов боль отступила.

– Какие воспоминания? – Голос архонта теперь звучал успокаивающе, и Улианта не могла противиться:

– Я вспомнила колдуна Акиру... Я видела его со стороны как куклу, как воспоминание, которое мне не принадле-

жит... не могу подобрать правильные слова...

Улианта опять закрыла глаза, сдерживая слезы.

– Никогда не видел подобного. – Голос архонта прозвучал в нескольких шагах от Улианты, и она открыла глаза. Архонт успел незаметно для неё отъехать в сторону:

– Пчелиные жала растворились под кожей, но тело не отторгло их. И я не нахожу этому объяснения. Такое ощущение, будто жала изначально были частью тебя.

– Я вспомнил слова Кирози про то, что нам следует поговорить с лесом, господин архонт. – Почти шёпотом, чтобы своё имя не услышал Поющий меч, откликнулся Теольтминт. – Возможно, при просмотре памяти вас ждёт ловушка.

Вельсиолл ответил сразу же, словно уже поразмыслил над этим:

– Твои слова не лишены смысла. Я прислушаюсь к ним.

Теольтминт не ответил ему, потому что его конь внезапно споткнулся.

– Улианта, как всееляются духи в кхатазской культуре?

Эльтасмирийка вздрогнула от вопроса. Вновь к её горлу подступил сковывающий дыхание страх того, что её память станет известна архонту. Однако она быстро поняла, что простой вопрос ничем ей не грозит и, взяв себя в руки, ответила:

– Я не очень сильна в познаниях о мире духов. Но слышала от придворных колдунов, что Бестелесные часто не просто всееляются, а воплощаются в носителях.

– Что это значит?

– Взрослые люди утрачивают силу своего воображения из-за быта и всяческих проблем, поэтому они чуть менее подвержены влиянию духов. А дети и кошки зачастую могут их видеть или слышать, что делает их уязвимыми. Их глаза могут узреть истинное обличье духа. Их уши могут уловить его присутствие. Но это дорого обойдется ребёнку и кошке.

– Они ослепнут? – Предположил Теольминт.

– Хуже. В этот миг дух может вселиться в их телесную оболочку и овладеть разумом. Вселившегося духа не так то просто изгнать, и, если он не покинет тело за определённое время, то станет Воплощённым. Внешне это будет то же дитя или кошка, но внутри – совсем иное существо, которое станет пользоваться жизнью украденного тела. Кхатазы держат так много этих хвостатых существ, чтобы они вовремя предупреждали о возможных приближениях различных сущностей. А защитой кошкам, как и детям, служат разные растительные масла и смеси, чьи ароматы лишают духов «зрения». В каждом замке жаровни с этими составами постоянно тлеют, но... почему вы спросили про духов?

– Тебя укусили не простые пчёлы. Может быть, в тебя проникло чуждое сознание. Но теперь я вижу, что ты не дух. Пока ты говорила, сквозь новый запах календулы я почувствовал знакомое обаяние моря. Думаю, это сочетание – мощный барьер для любого привидения. – Попытался пошутить архонт, но его слова потонули в напряжённом молчании.

Вельсиолл чувствовал витающую среди спутников некую

недосказанность. Подобная атмосфера в отряде, в преддверии непредсказуемых переговоров с лордом Табиючи, могла привести к последствиям, в сравнении с которыми надвигающийся циклон показался бы мелкой неприятностью. Архонт решил избрать путь откровенности.

– Наше появление на острове привело к гибели деревенского жителя. Именно поэтому я отправил вас в лес, чтобы побыть одному и собраться с мыслями. Этого не мог предсказать никто, и то, что случилось с вами, на самом деле предназначалось для меня. Я впервые столкнулся с ситуацией, когда мои решения могли погубить других эльтасмириев. Но будет в сто раз хуже, если в дальнейшем я заплачу за подобное вашими жизнями.

Вельсиолл произнёс это, скача сбоку от Теольминта и Улианты, и затем, прибавив ходу, вернулся на своё место во главе посольства.

Внешне Теольминт лишь одобрительно согласился с ним кивком головы, но внутри него закипели эмоции. Он впервые увидел в Вельсиолле задатки настоящего лидера. И тем сильнее сожалел он теперь, что не воспротивился недосказанности со стороны Улианты, когда она поведала об укусах.

В этот момент архонт почувствовал, как к стуку копыт добавилось слабое эхо. Он напряг слух, а затем окликнул Поющего меча:

– Уважаемый Кироси, как скоро мы въедем в ущелье?

В глазах кхатаза промелькнуло удивление, но ответил он

спокойно:

– Мы почти въехали, а замок лорда Табиючи покажется самое большое через полчаса.

Вскоре лощина действительно превратилась в ущелье, которое постепенно сузилось до ширины дороги, и каждый удар копыт о каменистую землю стал отдаваться эхом. Звуки джунглей остались позади, и вскоре во всем своём монументальном спокойствии показалась твердь замка лорда Табиючи. Она выросла несколькими сросшимися квадратными башнями из обступающих дорогу отвесных склонов, покрытых обтёсанным камнем. Искусные каменщики сделали незаметным переход между склоном и стеной замка, отчего он смотрелся единым целым с ущельем. Два каменных этажа переходили в три деревянных. Каждую из башен разной высоты венчала конусовидная вогнутая крыша, по кхатазским поверьям идеально подходившая для защиты от демонов.

– Поразительно! И восхищает, и угнетает одновременно. – Озвучил общее впечатление Теольминт.

Процессия подъехала к массивным деревянным воротам замка. Наступающие сумерки уже разогнали торговцев, оставивших после себя кучки нераспроданной еды – портящихся кальмаров, крабов, креветок, лангустов.

– Уважаемый Кироси, почему торговцев не обяжут убирать за собой их гниющие товары?

– Таков указ мудрого лорда Табиючи, архонт.

Вельсиолл поглядел на Поющего меча так, как будто спро-

сил, в чём смысл этого указа, но при этом не произнёс ни слова. Поющий меч довольно кивнул и ответил:

– Запахи привлекают крыс. Из джунглей выходят хищные твари. Можно ли придумать лучшие мишени для юного лучника? Каждую ночь они тренируются в стрельбе, а утром сравнивают успехи. Те же, кто промахивался больше прочих, на рассвете убирают падаль.

– Лорд Табиючи – мудрый наставник. А есть те, кто остаётся с мечом перед закрытыми дверями замка?

– Таким воином буду я этой ночью. Мой ученик Аро, тренируясь на прошлой неделе, случайно ударил коня лорда деревянным мечом. И теперь, дабы сохранить его жизнь и мою честь, я проведу ночь за воротами. Если к восходу солнца я буду жив, честь моя будет спасена, а Аро выпущен из подземелья.

На этом Поющий меч завершил разговор. Только Теольтинт, обернувшись перед въездом в замок, с удивлением заметил, как Кирози улыбается в предвкушении битвы.

Посольство въехало в широкие и высокие ворота, оказавшись в напоминающем огромный колодец гулком дворе замка. Садилось солнце, и в наступающем сумраке хлопали, закрываясь, ставни бойниц; слуги заканчивали убирать рис под навесы и прятать его в плетёные корзины; невозмутимые коты лениво разгуливали по внутреннему двору, демонстративно отвернув головы, но наострив все как один уши в сторону гостей.

Вельсиолл задержался, глядя на котов. Он остановил коня, замер, любуясь их лукавой натурой, и внезапно почувствовал себя почти так же умиротворённо, как дома.

– Да уж, в этот замок надо заходить подготовленным! – Громко произнёс Теольминт, вызвав удивление у Вельсиолла.

Архонт закрыл глаза, полагаясь только на слух. Позади посольства неестественно медленно закрывались ворота замка. Их скрежет входил в диссонанс с палитрой шумов во дворе. Осознав это, Вельсиолл тотчас избавился от воздействия защитного заклинания, наложенного на ворота. Оно вводило в кратковременный и незаметный ступор каждое разумное существо, переступающее порог... кратковременный, но достаточный для того, чтобы получить стрелу от двух десятков лучников, затаившихся вдоль стен замкового двора и поначалу незамеченных архонтом.

Вельсиолл оглядел спутников. На Теольминта заклинание подействовало иначе, заставляя его кровь быстрее бежать по венам. Он с азартом поглядывал вокруг, готовый прямо сейчас вступить в бой с любым противником. Улианта же обернулась назад и внимательно всматривалась в закрывающиеся ворота замка.

– Что ты увидела там? – Спросил архонт в тот миг, когда ворота захлопнулись.

Улианта вышла из ступора, так и не осознав его.

– Я почувствовала взгляд за спиной, как только мы въе-

хали в замок. И... возможно это преломление вечернего света... но в ворота как будто проскользнула расплывчатая тень...

В этот момент Улианта, увидев лучников, Поющих мечей и плетёные корзины с рисом, произнесла:

– Похоже, что лорд Табиючи готовится к осаде...

– Это отличная новость, Улианта! – Обрадовался Теольминт. – Значит, здесь мы не умрём от голода, а со всех деревень свезут лучших красавиц, чтобы они не достались врагу! А где бы я ни был, женщины сами ищут эльтасмириев.

Вельсиолл понял, что Теольминт подвергся влиянию заклинания, не догадавшись об этом. Архонт не впервые почувствовал себя в одиночестве среди собственных знаний и обострённых чувств. Но на этот раз он не испытал растерянности или желания поделиться переживаниями. Вместо этого Вельсиолл решил дать указания спутникам перед ночью в замке:

– Я ещё раз убедился, что поступил правильно, выбрав вас. Пока я буду вести переговоры с лордом Табиючи, тебе предстоит – Вельсиолл поглядел на Теольминта, – провести время с дамой Ночи и разузнать обстановку. Никто не осведомлён о местных делах лучше неё... Тебе же, Улианта, следует отдохнуть. Первый сон покажет истинную природу укусов.

Не успели эльтасмирии спешиться, как к ним подошел комендант замка. От прочих людей его отличала книга на поя-

се, в которую он, судя по вьёвшимся в пальцы чернилам, постоянно вносил записи. Приятным голосом кхатаз произнёс:

– Лорд Табиючи ожидает вас, посол Вельсиолл и... – Он посмотрел на Улианту и Теольминта.

– Я пойду к лорду один. – Ответил на его немой вопрос Вельсиолл.

Комендант кивнул:

– Ваших... – он вновь поглядел на гостей, особенно на Улианту, и с лёгкой заминкой добавил, – ...спутников мы разместим в лучших покоях.

На короткое время эльтасмирии остались одни. Улианта подошла вплотную к Теольминту и процедила сквозь зубы:

– Надеюсь, ты не собираешься спать с другой женщиной?

– И что же мне нарушить приказ? – Теольминт произнёс эти слова с наигранной беспечностью, но на тайном диалекте Дома.

Улианта пришла в ярость от его слов, но её чувства выдавали только сузившиеся глаза, простреливавшие Теольминта насквозь:

– Архонт! Он манипулирует нами!

– Это вовсе не так. Он поделился с нами своими размышлениями о последствиях своих решений. Он понимает свою неопытность и одновременно осознаёт ответственность перед нами. Я думаю, архонт станет одним из самых мудрых членов Совета.

– Я пожертвовала собой ради тебя в лесу! А теперь боюсь

не только слов, а даже взгляда Вельсиолла.

Теольминт отстранился от девушки:

– Мы оба виноваты в том, что попали в подобную ситуацию. Это наша общая тайна. Когда ты сказала, что нас обоих ужалили пчелы, я промолчал. Значит, не сказал Вельсиоллу правду. Мне следует искупить вину перед ним и сделать нечто такое, чтобы его посольство увенчалось успехом.

– Ты ведёшь разговор к тому, что ты переспишь с этой женщиной?

Ответить Теольминт не успел. Из наступающей на замок сгущающейся вечерней тени к эльтасмириям вышли две женщины.

Глава 5

Лорд Табиючи хорошо подготовился к переговорам. В зале для приёма гостей чувствовалась сырость свежесмытого пола. В толстые соломенные циновки, покрывающие зал, вплели свежую траву с ещё живыми цветами. Сквозь тканевые перегородки пробивались запахи креветок и устриц, выловленных сегодня утром. Вельсиолл уловил исходящее от хозяина замка благоухание и понял, что он только что принял ванну. Лорд, невозмутимый, как и подобает Поющему мечу, восседал на большом гладком камне, спиной к огромному окну размером во всю стену. При таком расположении любому входившему в зал гостю был виден только тёмный силуэт господина, возвышающийся на фоне багрового заката. Вельсиолл удивился, увидев рядом с лордом две небольшие буквые дубинки, стилизованные под какое-то животное. Одного внимательного взгляда хватило, чтобы понять – это Лиса.

Архонт знал, что оружие Поющего меча сообщает об обладателе лучше всякого глашатая. Отсутствие заострённых лезвий в арсенале подчёркивало миролюбие воина, но намекало на склонность отвечать на агрессию двойственной атакой, при этом не только военными методами. Небольшие габариты дубинок бросали вызов предрассудкам, провозглашая самодостаточность и демонстративное пренебрежение

размерами. Стилизованность указывала на аристократизм, чьи добродетели – вежливость, чистота и опрятность. Выбор Лисы свидетельствовал о том, что лорд, как и выбранное тотемное животное, скорее всего, был хитрым и умел приспособливаться к любой ситуации. Поэтому следовало понимать, что он, будучи вежливым и уравновешенным, при этом остаётся «хищником».

Архонта насторожило отсутствие в зале других лордов. «Возможно», – подумал он, – «они просто задержались по пути на встречу. Возможно», – и от этой мысли сердце Вельсиолла забило чаще, – «за прошедшие два месяца ситуация на острове изменилась, и теперь осиротевшие братья Року взяли в осаду замок последнего лорда ветви Табиючи».

Эльтасмирий бросил короткий взгляд на карту, написанную прямо на тканевой перегородке, и едва сдержал желание разглядеть её подробнее. Карта изображала границы владений лордов и важные места острова, но архонт сделал вид, что она его совершенно не интересует. Он отвесил лёгкий поклон головой и представился:

– Я – архонт Дома Весеннего Шторма Вельсиолл Иден'Гвейон.

– Я – лорд Акайо Табиючи, Поющий меч и владелец Замка Лисы, глава дома Табиючи, расположенного в провинции Року Кхатазской империи. – Ответил лорд и, вытянув вперёд две руки, предложил архонту сесть на один из трёх небольших камней, лежащих перед ним.

«Три камня – три гостя». – Подумал Вельсиолл и решил, что в ближайшее время братья Ангмаяма и Хироюки присоединятся к ним. На центральном камне нельзя было разглядеть лица лорда, и он явно не годился для беседы на равных. Камень справа позволял вольготно разговаривать с Табиючи и прекрасно видеть карту. Вельсиолл выбрал левый, демонстративно сев спиной к произведению пера военного художника. При этом он отметил, что Табиючи одобрительно улыбнулся. Затем гость положил на циновку перед собой меч, щит и лук – кхатазский обычай не требовал сдачи оружия при входе в покои правителей.

Только усевшись Вельсиолл понял, что камни положены в зале давно – задолго до вечерней уборки. На одном из них, что находился ближе всего к лорду, виднелись засохшие капельки крови.

В это же самое время обнажённый Теольтминт под звонкий смех дамы Ночи выскочил из бочки с горячей водой и пряностями. Кхатазская девушка коснулась его тела, и Теольтминт почувствовал лёгкий жар, исходящий от её ладоней. Она провела ими по спине эльтасмирия и её смех оборвался.

Воин знал, что любая дама Ночи обладает редким умением исцеляющего массажа и почувствовала чуткими опытными пальцами то, что скрыто от внешнего восприятия. Она прочувствовала испещрённое невидимыми шрамами тело прекрасного внешне эльтасмирия. Никто не знал, что Тео-

льминт страдал каждое утро, когда просыпался от ноющей боли, напоминающей о давно полученных ранах. Искуснейшие эльтасмирийские маги-теурги несчётное число раз спасали его от смерти. Срощенные заново сухожилия, кости и мышцы. Возрождённые почки, печень, желудок. Организм пережил не просто оружейные ранения, но и растворяющее внутренние органы влияние от попадания ядовитых стрел болотных зиндагов и разрушающее кости невидимое излучение от камней, что расположены в подземных залах тунгуров. Всё это испытало его жаждущее простых жизненных усад тело. И теперь кожа эльтасмирия для тех, кто умел исцелять, выглядела как карта военных походов и битв, в которых он принимал участие. Теольминт готов был, лёжа в постели, предаться воспоминаниям, и рассказать интереснейшие истории о каждой из своих ран. Однако сейчас он имел чёткий приказ хоть и неискущённого, но не по годам мудрого архонта.

Дама делано отвела взгляд, прикрывая лицо ладонью, и всхлипнула, когда Теольминт крепко схватил её за запястья и, глядя прямо в глаза, продышал в её длинные ресницы:

– Твоя кожа белее, чем у эльтасмирийки...

Через глухую каменную стену от них шестеро юнцов, скрывшись за тканевой занавеской и сдерживая дыхание, наблюдали за Улиантой и её дамой, чей звонкий смех, в отличие от дамы Теольминта, остался в далёком прошлом.

Она старательно подливала горячую воду в бочку Улианты и подмешивала дрожащими старческими руками пряности. Её усердие вызывало недовольство местных мальчишек, с нетерпением ожидавших, когда невиданная ими ранее эльтасмирийка предстанет во всей своей обнажённой красоте.

– Водичка тёплая. Специально для восхитительной, как первое полнолуние влюблённых, эльтасмирийской госпожи. – Приговаривала старая женщина, и понимающая по-кхатазски Улианта расслабилась. Ей стало немного жалко даму, чей удел – ухаживать за редкими гостями женского пола.

Устав от ожидания, двое мальчиков бесшумно перебежали за соседнюю занавеску. Остальные продолжили наблюдать за гостьей с исчезающей в глазах надеждой. Улианта же, убаюканная добрыми словами старой женщины, стала медленно засыпать... И когда дама Ночи тихо пожаловалась ей:

– Твоя сумка так больно пахнет календулой.

...Она не заметила, как ответила по-кхатазски:

– Убери её за порог.

Взмах руки Табиючи, и в зале замельтешили безмолвные и тихие как духи слуги, раскладывая на маленькие столики еду и напитки.

Вельсиолл вдруг подумал, что будь это знаменитые далеко за пределами империи кхатазские убийцы, то он не смог бы отбить их удары, поскольку все они появлялись и исчезали одновременно, и при этом совершенно одинаково скри-

пели по бамбуковым циновкам, так что его великолепный слух был бесполезен.

Пока происходили приготовления стола, Вельсиолл отказался от идеи выразить соболезнования по поводу смерти правителя острова, видя, что лорд Табиючи не соблюдает траур. Он понял, что в первую очередь ему следует выяснить, как изменилась обстановка на острове за последний месяц:

– Я хочу поздравить вас с выдающимся урожаем. Император будет доволен, получив от западной провинции больше риса, чем ожидалось.

Табиючи улыбнулся:

– Я вижу, что за короткое время пребывания в наших землях, вы уже хорошо разобрались в тонкостях местного хозяйства...

Лорд отделался вежливым ответом, не приблизив архонта к пониманию происходящего. Но Вельсиолл гнул свою линию:

– Как представитель народа эльтасмириев, традиционно поддерживающего Кхатаз, я выражаю надежду, что и у других лордов острова урожай удался, и император будет доволен и ими.

– ...и в наших внутренних делах тоже.

Вельсиолл взял со стола пиалу с апельсиновым соком, отпил, и понял, что никогда в жизни не пробовал такого вкусного напитка за пределами своей родины. Лорд внимательно

посмотрел на него и произнёс:

– Давайте будем откровенны друг с другом, архонт Вельсиолл. Я отправил судно к представителям вашей расы, как к наиболее древним и мудрым существам в зоне досягаемости наших кораблей. Вы прибыли, и я жду от вас помощи. Моему Дому угрожает опасность со стороны наследника дома Року. Союзный договор с вами усилит мою уверенность в светлом будущем. И дело здесь не просто в военном столкновении, любой исход которого я, как Поющий меч, приму с радостью. Как вы сами понимаете, за спиной любого лорда всегда стоит император. Чтобы получить его благосклонность, мало риса, мало воинской славы. Нужна польза, которую Дом принесёт в развитии империи. И я могу дать эту пользу. Ваш корабль прибыл в деревню старосты Акиры. Это место идеально подойдёт для будущего порта. Второго морского порта острова Рокушима – одного из четырёх крупнейших островов империи. Ваша выгода будет в том, что корабли Дома Весеннего Шторма будут иметь право первоочередного и беспрепятственного захода в эту гавань. Я предлагаю заключить союзный договор между вашим Домом и моим.

– Ты никому не расскажешь, что я курю табак? – Спросила лежащая на циновке дама Ночи, поглаживая Теольминта по плечу. Эльтасмирий бросил короткий взгляд на занавеску, где прятались юные кхатазы и, улыбнувшись уголком рта, ответил:

– Это останется между нами.

– А можно я одену твой плащ? Про него говорит весь заммок!

– Я же прибрал его ещё в лесу...ну, конечно... Он пойдёт тебе!

Дама Ночи выскользнула из шёлкового покрывала и, стесняясь своей наготы, ловко достала из мешка Теольминта плащ, выделанный неизвестными на островах Кхатаз мастерами.

– Он меняет цвет! – Захлопала в ладоши и заморгала глазами девушка.

– Он подходит под цвет твоих волос. Ты красишь их, как делают женщины из городов-государств народа бамусов?

– Да, но не во всех. Так делают только в Сумбе, Глоне и Абаме. Погляди! – Дама Ночи опустила голову и показала Теольминту пробор. – Наши волосы не прокрашиваются до корней. Они толще. Кстати, а как выглядит ваш корабль? Моряки говорят, что он должен быть прекрасен.

– Погоди, – Теольминт взял её волосы в кулак, – мне надо рассмотреть их внимательней.

...Ещё никто и никогда не предлагал Вельсиоллу такого простого способа лишиться титула архонта. Одна роспись, и он – самый юный изгнанник за всю историю Дома Весеннего Шторма. Скорее всего, изгнание настигнет его посмертно, ведь вступившему в подобные обязательства чужестран-

цу ещё надо выбраться с острова, наполненного духом междоусобной войны. Вельсиолл сделал еще один глоток апельсинового сока и понял, что отныне это его любимый напиток.

– Для меня было бы большой честью заключить союз с вами, лорд Табиючи. Я искренне верю, что этот договор, подписанный единожды, прослужил бы путеводной звездой для нескольких поколений людей. Однако мне следует сообщить вам принципы, согласно которым наш Дом заключает подобные соглашения.

Вельсиолл выдержал паузу, допил сок и поставил пиалу на столик. Тотчас слуга заменил её и наполнил красным как кровь вином. Последняя капля вылетела из наполненной до краёв посуды и упала на камень Вельсиолла.

– Наш народ очень чутко относится к любой иерархии власти. Мы отправляем посольство только к тем, кого считаем законными правителями своего... своих земель, как, например, вас, лорд Табиючи. – Вельсиолл едва не сказал острова, но вовремя поправился. – Однако ещё до Обновления мира, известного среди многих народов как Катаклизм, кхатазы и эльтасмирии заключили дипломатический договор, после которого на вашей территории появилось наше постоянное представительство. И, прежде чем заключать иные соглашения, Дом Весеннего Шторма должен знать отношение императора к лордам на острове и к ситуации в целом, чтобы избежать противоречий. Насколько мне известно, старый договор хоть и был заключен до создания империи, во времена

бытности Кхатаз городом-государством, но последний правитель города был признан первым императором как один из величайших умов кхатазского народа, и все соглашения, подписанные его рукой, считаются священными.

Вельсиолл взглянул на каплю вина. За время его речи она стекла с камня и впиталась в циновку с вплетёнными в неё живыми цветами, напомнив ему каплю крови. Вельсиолл взял со столика бокал вина и мысленно произнёс тост за процветание Дома Весеннего Шторма.

Лорд Табиючи поглядел на карту за спиной Вельсиолла и продолжил разговор:

– Император получит рис только после того, как он окажется в корзинах верховного лорда острова. В настоящее время, после гибели лорда Року, таковым готов объявить себя его старший сын – молодой Хотаро. Всё произойдёт без пышных слов и церемоний. Император признает его властителем острова в тот момент, когда на корабли с флагом правящей династии занесут последний мешок риса. Проблема в том, что государственные чиновники подсчитывают каждый участок земли, дающий рис на острове. И доля императора рассчитывается не от размеров надела молодого лорда Хотаро, а от суммы всех плодородных земель острова. Верховный лорд получал часть урожая от всех присягнувших ему старших лордов. А других и не было. После этого он отдавал императорскому Дому долю риса за всю провинцию. Молодой Хотаро, учитывая размер его земель и наделов, – Табиючи

показал на карту за спиной архонта, – может рассчитаться с императором и один, но ценой голода и восстания крестьян на своей земле. Или он волен силой забрать часть урожая соседей, но в таком случае ему будет противостоять негласный союз, заключённый в день смерти лорда Року. Самое интересное ещё и то, что до сих пор в водах Рокушими так и не появились корабли императора.

– А что другие лорды провинции? С малых островов?

– Они предпочитают наблюдать за ситуацией со стороны, не вникая в конфликт. На малых островах нет риса. Там правят младшие лорды под вассалитетом нас – старших лордов провинции. В основном они воюют с пиратами и друг с другом, или исследуют материковые дикие земли. Мы призываем их для войны, защиты морских караванов и тому подобных дел. Их не интересует, кто именно из нас станет новым верховным лордом и назовётся Року. Главное, чтобы столп власти был устойчив и проблемы младших лордов решались своевременно – у них нет судебного производства.

Табиючи замолчал, и, зацепив бамбуковыми щипцами очищенную от панциря креветку, похожую на морской корабль, принялся внимательно её разглядывать.

– Нам надо вернуться в день смерти лорда Року. Я прибыл разобраться в ситуации. Мне необходимо понять, как и почему сложился ваш негласный союз и почему именно Хотаро не является его участником.

Табиючи положил креветку обратно в миску. Он задумал-

ся, прежде чем ответить:

– Все сыновья покойного лорда Року достойно идут по пути воина. Будь они лицемерами или лжецами, корабль бы не явился в воды вашего народа, архонт Вельсиолл.

Хозяин замка вновь потянулся щипцами к кровати, но, заметив, что она уже остыла, положил её обратно. Тотчас в зале появились слуги, меняя блюда. Не обращая на них внимания, лорд продолжил:

– В честь полувекового юбилея правителя острова была объявлена охота. Согласно традиции, лорд Року ожидал зверя в одиночестве, держа в руках свой меч. Загонщиками хищника были я и два его сына. Средний – лорд Ангмаяма и младший – лорд Хироюки. Старший сын – лорд Хотаро на охоту не прибыл, оставшись в замке отца. Я пробивался сквозь джунгли по центру, поэтому оказался на месте первым. И увидел уже бездыханное тело. Вслед за мной появились Поющие мечи лорда Року, сразу же павшие на колени перед мёртвым господином. Ещё через несколько мгновений прыгнул прямо со скачущего коня Хироюки – младший сын старого лорда. Он молод, ему исполнилось двадцать пять лет, и он любил отца сильнее остальных братьев. Но с чувствами он совладал и первым делом осмотрел раны отца. В этом Хироюки разбирается лучше всех, не смотря на молодость. После осмотра он заподозрил меня в убийстве. Дело шло к поединку. Однако вмешался прибывший последним Ангмаяма – средний сын верховного лорда. Он чётко

придерживается прямой линии жизни Поющего меча. Вот и в случае с убийством отца он поступил просто и прямолинейно, встав между нами подобно скале. Он рассказал мне и своему брату о том, что видели его люди. А они видели, с их слов, отряд всадников, скачущих прочь. Это были воины Хотаро. Вы можете подумать, что возможно Ангмаяме стоило принять более сложное решение. Например, отправить в погоню своих людей, или самому настигнуть беглецов. Но оставшись, он предотвратил ненужное кровопролитие между старшими лордами. Важность этого решения трудно переоценить. Его слова остудили пыл младшего брата, и он принёс мне извинения.

– В итоге слова, произнесённые одним лордом, сказанные на основании свидетельств других людей, создают вынужденный союз против того, кто отрицает свою причастность. – Витиевато, в духе выступлений на Совете архонтов подвёл итог Вельсиолл.

– Суть конфликта не в этом. Однако он набирает силу. И чтобы его разрешить без большого кровопролития, нужна внешняя сила. Эльтасмирийский Дом Весеннего Шторма имеет все возможности поспособствовать этому, так как именно этот Дом, в вашем лице, прибыл на зов.

Теольминта насторожило то, что все юнцы за занавеской куда-то исчезли, пока он сплетал ноги с дамой Ночи. К тому же, ему послышалось, что где-то недалеко кричит от боли

женщина.

– А вы знаете, зачем вообще госпожа Юми приехала на остров? – Спросила расслабленная дама Ночи.

Теольминт не понимал о чём идёт разговор, но ответил мгновенно.

– Это очевидно. Я же не мальчишка! – Скрыв за ответом своё неведение, выпалил Теольминт.

– Это я заметила. А вы увидите её сестру?

– Сестру? – Перебил её Теольминт. – А я думал там целый брат...

Дама Ночи звонко рассмеялась:

– Как смешно вы говорите. Госпожа Юми – родная сестра жены лорда Хотаро. У неё недавно умер муж. Там – в столице... Весной кончился траур, и её пригласили развеяться на остров Рокушима. А у господина Ангмаямы прошлой осенью умерла жена. Он ещё молод и остался совершенно один с маленькой дочкой! А тут выдался удачный момент – пятидесятилетие верховного лорда Року. И вот, они должны были встретиться на охоте. А госпожа Юми внезапно пропала!

– Что ж, как посол Дома Весеннего Шторма, я скажу вам о своих планах, отражающих цели посольства. Я встречусь с лордами Ангмаямой и Хироюки. Затем, если на то будет желание лорда Хотаро, и встреча будет происходить не на землях его братьев, не желающих этого, то я не вижу препятствий для переговоров и с ним. О результатах и выводах

посольства я уведомяю всех старших лордов Рокушимы.

– Весть о вашем прибытии разнесётся быстро. Она достигнет владений Хотаро, а возможно и уже достигла. Не исключено, что он возжелает встретиться с вами. Но до этого вам, архонт, было бы лучше вернуться в мои владения.

Вельсиолл молча кивнул в знак согласия и задал последний вопрос:

– К кому из братьев порекомендуете отправиться в первую очередь?

– К лорду Ангмаяме. – Ответил Табиючи и улыбнулся, впервые за всё время переговоров. – У вас просто нет выбора. Его территория лежит ровно между владениями лорда Хироюки и моими.

Глава 6

Улианта проснулась в теле маленькой кхатазской девочки. Проснулась от ощущения опасности. Так происходило всегда, когда рядом появлялся тот, кто способен причинить боль. Обычно таким человеком оказывался перепивший Поющий меч, пристающий к маме и не желающий дарить прощальный подарок. Но когда «Улианта» спала, мама и прислужницы из других постоянных дворов за дверцей веселились одни. Они пили вино, громко разговаривали и не ждали гостей.

Сейчас же за тканевой дверью стояла тишина, которая и разбудила девочку. Такой поворот событий не устраивал «Улианту». Ведь утром с первыми лучами солнца ей предстояло завершить свою чудную гравюру.

Она поднялась на ноги, подошла к двери и прислушалась. Острый слух, натренированный от постоянных опасностей, наполнявших большой город Року, не подвёл. По ту сторону никто не шумел. «Улианта» отворила дверь и вошла.

Её сразу испугало то, что она увидела в матовом лунном свете Ураноса, виднеющегося в окне мансарды. Прямо посередине залы, окружая два кувшина с вином, четыре кружки и одну посудину с креветками, лежало пять сумок. Одна из них принадлежала маме, и ещё четыре – пришедшим вечером работницам ближайших постоянных дворов. Но сами

взрослые исчезли.

«Куда они могли пойти все вместе без сумок?» – Подумала «Улианта» и решила выйти на лестницу. Она сделала несколько шагов в центр комнаты и тут заметила, что засов на входной двери заперт изнутри. Внутри неё всё похолодело.

– Девочка проснулась. – Услышала она вкрадчивый голос прямо за своей спиной.

Резко развернувшись, «Улианта» увидела две тени, темнеющие с двух сторон от двери в её клеть. От неожиданности она отступила назад и, споткнувшись о сумку матери, упала навзничь. Тут же попыталась встать, но одна из теней сделала два быстрых шага и наступила ногой на её грудь. Резкий свист – и перед глазами девочки возник начищенный до зеркального блеска клинок. На его лезвии она увидела отражение Ураноса, тускло желтеющего на ночном небе, и капли ещё не засохшей до конца крови.

– Мама!!! – пискнула «Улианта», пытаясь вдавиться в пол, лишь бы оказаться подальше от злых людей.

– Где твой отец? – Спросила вторая фигура, внезапно возникшая над ней.

Девочка перевела взгляд. Над ней стоял воин, по одежде которого она поняла, что он изрядно разбогател за время своей несправедливой жизни. На нём красовался традиционный длинный халат с широкими рукавами, украшенный серебряными нитями и подвязанный дорогим поясом. Волосы были

собраны в особый пучок, как делают только Поющие мечи. В глазах обоих убийц читалась безжалостность и профессионализм. Но эти рыцари империи не могли быть бандитами. Значит, это были мечи Тишины – преступники, бывшие Поющие мечи, изгнанные за свои преступления, лишённые титулов, званий и чести, потерявшие лицо и предавшие кодекс Восходящего Клинка, и при этом чудом избежавшие смерти.

– Я не видела его. – С трудом разжимая губы от ужаса, ответила «Улианта».

– Как давно?

– Никогда.

– Девчонка не врёт... – произнёс второй меч Тишины, что держал ногу на её груди, мешая полноценно вздохнуть и тем самым лишая жертву возможности закричать.

«Улианта» перевела взгляд на него. Лицо незнакомца скрывал капюшон, но, благодаря свету Ураноса, его лицо на мгновение осветилось. Разглядев негодяя, девочка заскулила от страха. На его лице темнела печать насильника. Этот человек был наказан благородными Поющими мечами за отступничество от кодекса Восходящего Клинка, лишён права носить оружие и теперь мог появляться на улице только ночью, иначе его ждала смерть.

– ...и она неплохо видит при ночном свете. Может продать её дамам Ночи? Когда отходит корабль?

– Не убивайте меня! Верните меня к маме! Прошу вас! – Выдавила из себя девочка.

Меч Тишины не слушал. Клинок отошёл от её глаз вправо и плашмя прижал её сначала одной, затем другой щекой к полу.

– Уши тоже ничего. В провинции Року присматривают к деталям. – Сказав это, падший воин сдёрнул свободной рукой капюшон и втянул ноздрями воздух, подобно дикому зверю. – Здесь не пахнет мужчинами. Здесь пахнет только женщинами и детьми.

– Здесь пахнет провалом. – Пробурчал его подельник, обходящий в это время лежащую «Улианту» по кругу. Она чувствовала, как он легонько, почти нежно толкает её ногами, обутыми в мягкие дорогие сапоги-ичиги, и прониклась к нему симпатией.

«Этот человек гораздо добрее первого!» – Подумала она, вспомнив слухи из таверны, что подобным образом поступают разбойники из нищего квартала города, когда обыскивают бездыханные тела своих жертв. Вживую это оказалось даже щекотным. Меч Тишины словно прочитал её мысли и произнёс:

– Да. Я тоже только сейчас узнал, что это приятно. Мёртвые не улыбаются, знаешь ли.

Надежда потухла прямо в глазах «Улианты», как затухает стремительное кхатазское солнце в тропическом сумраке. Человек с клеймом насильника убрал ногу с её груди и наклонился:

– Итак, как тебя зовут?

– Мама называет меня Цветочек.

– И где твоя мать? Ты же живёшь с ней, верно?

– Я проснулась, вышла в комнату, и её не было. Может, они спустились в таверну за вином?

Второй меч Тишины пристально посмотрел на неё, взял в руки кувшин с вином и молча стал выливать содержимое на пол. Покончив с одним кувшином, он взялся за второй. Постепенно отодвигаясь от увеличивающейся лужи вина, «Улианта» потихоньку поползла к своей клетки – там, в полу под ковриком находился потайной люк. Но бандиты раскусили её замысел. Воин с печатью насильника на лице ласково спросил, подняв клинок в её сторону:

– Ты хочешь показать нам свою комнату?

Его напарник продолжал заливать красным, как кровь, вином пол и лужа добралась до чудных гравюр «Улианты», на которые она тратила всё своё свободное время. Девочка заревела, как могут только дети, когда разрушается их маленький мир.

Глава 7

На рассвете эльтасмирии спустились во внутренний двор замка. Ливень, всю ночь обрушивавший с небес тонны воды, превратил его в пруд глубиной по колено, заполненный грязной хлоплюющей водой. От вечернего спокойствия Поющих мечей, слуг и котов не осталось и следа. Животные вылизывали промокший мех, сидя на крышах хозяйственных построек, и выдавали своё недовольство происходящим резкими помахиваниями хвостов. Измождённые слуги, спасавшие всю ночь рисовые мешки, спали, сидя прямо на земле, по грудь в воде, прислонившись к стенам и дровницам. В их лицах, ставших во сне на удивление похожими друг на друга, читалось странное волнение, словно они видели один и тот же тревожный сон. Те, кто не спал, сновали туда-сюда с различными поручениями. От наблюдений Вельсиолла отвлёк шум у восточных ворот. Поющие мечи готовились открыть двери замка.

Среди хаоса не терял весёлого расположения духа Теольминт:

– Мне всё больше нравятся эти кхатазы. У нас ворота открывают стражники, в других странах и вовсе рабы. Здесь же воины-аристократы быстрее утонут, но откроют ворота сами, и в отведённое солнцем время!

Вельсиолл поймал себя на мысли, что простой, хоть и бы-

валый лучник Теольминт заметил то, что он, архонт, не смог сразу понять. Поющие мечи не почивали на лаврах страхов простолюдинов. Весь труд по обороне замка они оставляли за собой. Рабы не допускались ни к воротам, ни к стенам, ни к баллистам.

– В этом замке следовало бы сделать водоотводы и канализацию, – задумчиво сказал Вельсиолл и тут же сам себе ответил, – хотя на острове есть расы, которые могут использовать подобную систему для нападения...

В глазах Теольминта проскользнуло детское любопытство, не выветрившееся за годы военной службы, и он уже хотел о чём-то спросить архонта, но тут в разговор вмешалась Улианта. Она нарочито игнорировала Теольминта и теперь вела себя так, словно в посольстве было только два участника:

– Как прошли переговоры, господин Вельсиолл? Мы отправляемся обратно в деревню и ждём корабля?

Под её глазами появились тёмные пятна – ненавидимые всеми женщинами глашатаи плохого сна. Архонт внимательно оглядел её, прежде чем ответить:

– Мы выходим после завтрака. Идём на запад во владения лорда Ангмаямы.

В этот момент комендант замка объявил об открытии ворот. Люди прищурили глаза, в ожидании того, что в открывающиеся массивные двери проникнет яркий свет восходящего солнца, но, вопреки их ожиданиям, в замок, заменяя

хлынувшую наружу воду, проник плотный туман. Вельсиолл заметил, что часть воды потянулась в северную сторону цитадели, в неприметное углубление, выглядящее скорее как трещина в стене. Некоторых спящих слуг понесло в сторону ворот, подобно деревянным поплавкам, но они упорно не просыпались, мучаясь, как это заметил Вельсиолл, от навязчивого сновидения. В это время к посольству подошёл комендант замка. Его суровый, как и у всех Поющих мечей, вид контрастировал с нежностью, с которой он держал, скрытую в непромокаемый чехол книгу.

– Завтрак ждёт вас на террасе Вечерних Размышлений, господин архонт. Сейчас это самое сухое место в замке.

– В этом нет нужды. – Вельсиолл отвёл взгляд от наконец-то проснувшихся слуг, поднимающихся на ноги с одинаковым выражением лиц прямо за спиной коменданта. – Мы выходим сейчас же. Лорд Табиючи извещён, что посольство отправляется на запад.

К чести Улианты и Теольминта они не подали вида, что удивлены изменениями планов архонта. Комендант вежливо склонил голову и сказал:

– Северный выход для вас открыт, господин архонт.

Неприметное углубление в стене оказалось началом тоннеля, уходящего вниз, к подножию скалы, и заканчивающегося выходом на дорогу к замку лорда Ангмаямы. Ночью ливень залил нижнюю часть подземного пути, и Поющие мечи сейчас приходили в себя после смертельно опасного за-

плыва к запертым воротам. Однако, не смотря на пережитое, все они украдкой поглядывали на Улианту. Эти немислимые для Поющих мечей взгляды не могли пройти мимо внимания архонта.

– Что это значит, Улианта? – строго спросил он, перейдя на диалект Дома Весеннего Шторма.

– Господин архонт, – заволновалась девушка, мешая родной язык с кхатазским, – в замке мне приснились воспоминания дамы Ночи. Я увидела её детство. И мне кажется, – она по-эльтасмирийски незаметно кивнула в сторону воинов, – все они, кто был рядом, включая и саму ветхую даму Ночи, видели этот сон. Нет, мне не кажется. Я почему-то уверена в этом.

Последние слова девушки отскочили от тумана, стоящего на границе тоннеля и выхода на горную дорогу. Кхатазы замерли, и Вельсиолл почувствовал, как их всех охватил трепет, присущий людям, когда они сталкиваются с непознанным. Эльтасмирии шагнули в туман и превратились в тени, тающие в свете мрачного утра. Один из Поющих мечей взялся за рукоять меча и шагнул вслед за морскими гостями.

Вельсиолл молча взял в правую руку ладонь Улианты. Она почувствовала, как от его пальцев исходит щекочущее и успокаивающее тепло, отгоняющее ночные воспоминания.

– Произошло нечто странное. Я думаю, пчёлы, что ужалили тебя, были не простыми насекомыми. Они целились в горло – один из важнейших каналов телесной жизни. Это были

проводники некоей пока непонятной мне силы. Они нашли в твоём гармоничном эльтасмирийском теле слабое место и поразили его. Но я не чувствую в тебе чуждых энергетических потоков или сущностей. На мой взгляд, ты здорова.

Улианта успокоилась от последних слов Вельсиолла, но он тотчас вернул её к действительности:

– А вот почему кхатазы видели твой сон? Я нахожу этому только одно объяснение. Сила иного мира использует тебя как инструмент, чтобы через сны влиять на разум оказавшихся рядом людей. И мотивы этой силы мне пока не ясны.

Вельсиолл задумался, и спутники разделили его безмолвие.

– Вернёмся к посольству. Нам следует поторопиться.

– Хмм, у нас осталось четыре дня, прежде чем Айдагилль и капитан Алуриэль начнут действовать. Это не так уж и мало. – Теольминт произнёс вслух то, что Улианта подумала. – Ещё вчера мы не планировали покидать замок в такой спешке. Позвольте узнать, в чём причина?

Вельсиолл ответил спокойно:

– В замке сотни глаз. Я не думаю, что среди них не найдётся шпионов других лордов. А мы должны быть быстрее вестей, которые могут разлететься по провинции касаясь нашего прибытия. К тому же лорду Табиючи нужен договор с Домом Весеннего Шторма. Напомню, что Совет запретил вступать в любые договорённости, устные или письменные. Ранее мне не приходилось отказывать кхатазскому лорду в

его же доме, поэтому я решил, что будет неплохо, если мы не будем злоупотреблять его гостеприимством.

Вельсиолл снял с левой руки перчатку и показал серебряный перстень с фамильным гербом.

– Чернила не должны коснуться этого перстня, иначе я лишусь права носить его. Теперь нам следует за три дня встретиться с тремя лордами, чтобы на четвёртый – завершить дела и покинуть остров, не заключив никаких договоров и имея максимум сведений для Совета архонтов.

– С тремя лордами? – Удивился Теольминт.

– Ты правильно расслышал. Неплохо бы найти повод, а то и причину, чтобы вступить в переговоры и с лордом Хотаро. На это нет и дня, но если подвернётся шанс, мы его не упустим.

Глава 8

Лорд Табиючи проснулся от света, залившего комнату. Он резко поднялся с циновки. Оглядевшись, лорд понял, что впервые за долгие годы проспал рассвет. Он выглянул в окно своей спальни, расположенной на самом верху центральной башни замка. Южное солнце уже поднялось в зенит и теперь прожигало наполненные водой тучи матовыми лучами.

– Где слуги? Почему не разбудили меня? – Лорд задал вопросы страже, неизменно находившейся за раздвижной дверью его покоев. Они смотрели на лорда снизу вверх, стоя на ступеньках винтовой лестницы, уходящей в гостевую залу, где вчера хозяин замка принимал архонта Вельсиолла. За их каменными лицами лорд с удивлением уловил растерянность, властвующую в их головах.

– Всех жителей замка настиг беспробудный сон. Спали все до единого кроме тех людей, которые боролись ночью со стихией и не ложились вовсе.

– А морские гости?

– Рано утром вышли к владениям лорда Ангмаямы.

Табиючи спустился по винтовой лестнице в залу, где вчера проходили переговоры. Его взору предстали вышедшие из загадочного сна слуги. Двигались они неуклюже, а лица были подобны застывшим восковым маскам – лорду даже на мгновение почудилось, что все умерли. Он подошёл к одно-

му из слуг и взял его за плечо. Даже сквозь ткань он ощутил, как сильно охладилось тело. Кхатаз почувствовал прикосновение и поднял затуманенный взор на хозяина:

– Первородный сон грядёт... – прошептал он осипшим голосом, и его вырвало на пол.

–... он опалает будущим и леденит прошлым! – Не задумываясь, будто следуя чужой воле, продолжил неизвестную ему доселе фразу лорд Табиючи.

Это озадачило и встревожило его. После небольшого раздумья по замку разлетелся приказ:

– Собирайте отряд! Выезжаем к лорду Ангмаяме!

Глава 9

Сильный туман, утром накрывший остров, помешал эльтасмирийскому посольству насладиться красотой замка Табиючи. Сопровождаемые угрюмым Поющим мечом по имени Таруто, эльтасмирии вышли на тропу, идущую вверх – на большой лесной холм, разделяющий земли Табиючи и Ангмаямы. Эта дорога была на удивление пустынной, а в густом тумане это удручало вдвойне. Вельсиолл обратил внимание, что прямо от северного тоннеля замка в разные стороны расходятся три тропы, обозначенные стоящими друг на друге камнями. Две из них, как отметил наблюдательный архонт, служили для передвижения крестьян, торговцев и прочего простого люда. Третья же уводила к высокой горе с двумя пиками, у лесного подножия которой произошло убийство лорда Року.

Миновав холм, отряд спустился в небольшую лощину, в которой бодро шумел широкий ручей. Он и служил естественной границей между владениями двух лордов. По его берегам возвышались джунгли, выглядящие в тумане как огромные серо-зелёные стены. Лес тут был настолько плотен, что стрекот насекомых, крики птиц и повизгивания мелких животных отражались от него искривленным эхом и создавали на границе ручья какофонию, сквозь которую Вельсиолл едва расслышал место тишины на противоположном

берегу. Люди Ангмаямы уже ждали посольство, и живность рядом с ними притихла, опасаясь присутствия людей.

Выйдя на затуманенный берег эльтасмирии увидели трёх кхатазов, стоящих на противоположном берегу ручья – одного Поющего меча и двоих вооружённых крестьян.

– Я привёл вас. Прощайте. – Таруто сдержанно кивнул и пошёл обратной дорогой, даже не взглянув на другой берег.

На мгновение Вельсиоллу показалось, что в лесу прячется кто-то ещё, но его размышления прервал Теольминт, дёрнувший Улианту за рукав:

– А тот Поющий меч не держится за эфес. Нас встречают с теплотой.

Шуткой он постарался приободрить девушку, но это не удалось. Она тоскливо смотрела вперёд бессмысленным взором.

– Они просто не видят и не слышат нас в тумане. – Ответил за неё Вельсиолл. – Также как и наш сопровождающий не заметил их. Для человеческого глаза и слуха это непосильная задача при таких условиях.

Поющий меч Сакамура ждал этой встречи всю свою недолгую жизнь. С тех самых пор, как в раннем детстве он услышал это слово.

Эльтасмирии!

Не каждый кхатаз мог выговорить первую букву в названии этой древнейшей расы. Лишь библиотекарям города Ро-

ку удавалось с трудом читать и переводить их письма. И только Сакамура, единственный на острове человек, мог составлять наполненные смыслом предложения на эльтасмирийском языке. Он заучил весь их алфавит, освоил письменность, но никогда не слышал, как звучат эти изящные руны из пожелтевших фолиантов городской библиотеки Року. И вот сейчас он вглядывался в туман, ожидая исполнения мечты.

Эльтасмирии появились ровно так, как он и ожидал. Три силуэта беззвучно явились из тумана, и ни одна бамбуковая доска на мосту не скрипнула от их шагов. Впереди шёл архонт и по вензелям на посеребрённых доспехах Сакамура смог прочесть его имя – Свет Надежды, озаривший Дом Весеннего Шторма во мраке Обновления Мира.

– Я – архонт Вельсиолл ИденГвейон из Дома Весеннего Шторма. Со мной спутники, представляющие наш Дом. Мы являемся посольством и желаем встречи с вашим господином. – Произнёс эльтасмирий мелодичным голосом, с оттенком вековой грусти и аристократической холодностью.

– Меня зовут Сакамура. Я – Поющий меч лорда Ангмаямы. Я сопровожу вас в лагерь господина для переговоров. – Ни один мускул не дрогнул на лице человека, однако, ему стоило больших усилий сохранять невозмутимость. Ведь он впервые услышал звучание эльтасмирийского голоса. Один жест – и два крестьянина встали по обе стороны от посла, готовые сопровождать его.

Впереди Сакамуру ждал целый день общения с эльтасмириями. Он успел торжествующе улыбнуться, прежде чем ошмётки человеческой плоти из треснувших как осенние тыквы голов крестьян испачкали его одухотворённое лицо.

Не всякий зверь обладал слухом Вельсиолла. Благодаря ему, когда две стрелы с треском вонзились в лица крестьян за его спиной, архонт по шелесту оперения уже знал, что за лучники их выпустили. Пока тела кхатазов, покачиваясь, усаживались на дорожку, а руки нелепо ловили засевшие намертво стрелы, плащ Вельсиолла вздыбился изнутри, а самого архонта втянули джунгли. Именно так это увидел Сакамура сквозь капающую с бровей чужую кровь за мгновение до второго выстрела таинственных лучников. Руки Поющего меча искусно выполнили приёмы, заученные до совершенства годами жёстких тренировок, и Вельсиолл, скрываясь среди деревьев, услышал, как стрелы отскочили от его меча.

Лицо архонта исказила ярость. Два выстрела – и вся идея посольства оказалась под угрозой. Он сорвал с рук перчатки и растёр ладони, жаждая обрушить силу Леса против врагов.

В это время Теольминт и Улианта, скрывшись в лесу по разные стороны от тропы, заходили по дуге за спину к предполагаемым стрелкам. Они также догадались, кто противостоит им, и поэтому не обменивались короткими возгласами, имитирующими крики птиц. Улианта уже достала лук из-за плеч и по её лицу, мелькавшему среди веток, архонт

понял – она готова убивать.

Глава посольства легко и осмотрительно перемещался с дерева на дерево к месту, откуда велась стрельба. Он знал, что лесные воины, выпустившие стрелы, предпочитают малые отряды-тройки, а значит, где-то рядом должен быть ещё один лучник. Однако, к удивлению Вельсиолла, нападавшие и не думали прятаться. Он сразу же услышал их беззаботные голоса и увидел всех троих в одном месте.

Представители родственной эльтасмириям расы илийдингов – совсем юные, ещё моложе Вельсиолла – стояли треугольником, прикрытые от возможных взглядов накренившимся папоротником высотой в три человеческих роста.

Илийдинги отличались от эльтасмириев так же сильно, как и походили на них. Представители обоих народов, грациозные и изящные в жизни, быстрые и смертоносные в бою, одинаково сильно любили природу и свет, презирая тьму и смерть. Однако культурные различия и затаённые обиды заставляли их игнорировать друг друга при встречах. Эльтасмирии отрицали право илийдингов называться первородной расой и считали их равными только на словах. Илийдинги же, в свою очередь, видели в эльтасмириях зарвавшийся народ, испорченный влиянием ныне распавшейся Великой Аталантийской империи и людей в целом. Королевская власть илийдингов не переносила децентрализованную систему эльтасмирийских Домов, похожую на варварские отношения диких народов. В ответ илийдинги получали пре-

зрительное молчание, означающее, что народ эльтасмириев вырос из архаичной системы управления и руководит сам собой. Никогда эльтасмирий и илийдинг не обнимут больше друг друга при встрече, как было в Первой и даже Второй эпохе, когда они были единым народом. Однако и врагами их нельзя было назвать. Любой военный конфликт неизменно объединял их на одной стороне.

Папоротник, как огромный экран делал стрелков невидимыми с реки и отражал голоса обратно в лес. Сами же илийдинги прекрасно видели происходящее на берегу, за исключением одной из них – юной девушки, сидевшей на земле спиной к реке и наслаждавшейся перепалкой и вниманием двоих спутников, не отрывавших от неё взгляды.

– Как отбил ваши стрелы?! – Смеясь, подначивала она стрелков. – Я говорила вам попадать в его меч? Надо было смотреть не на меня, а на цель.

Боковым зрением Вельсиолл заметил, что Теольминт с Улиантой уже заняли позиции для стрельбы. Улианта держала на прицеле девушку-илийдинги, и архонт отметил в её взгляде несвойственную кровожадность. Его немного насторожило и то, что незнакомка невзначай расположилась таким образом, что стрела Улианты не могла попасть в неё.

– Ну и для кого я готовлю коктейль? Для себя? – Возмутилась юная илийдинги. – Или вы возомнили, что ранить моё сердце проще, чем попасть в Поющего меча?

Она умело выдавила сочный апельсин в плетённый стакан

и крикнула, словно нарочно, на весь лес:

– Я велела вам заниматься войной, а не думать о том, как произвести на меня впечатление!

Настороженность Вельсиолла переросла в тревогу. Почему девушка внезапно повысила голос? Почувствовал неладное и Теольминт. Он бесшумно убрал лук за спину и вытащил два корамбита, напоминавшие формой два больших тигриных когтя – по одному в каждую руку. Эти ножи, усиленные рунной магией, наносили вред даже демонам, стойким к обычному оружию. Теольминт крутанул клинками, и они исчезли в ладонях, как прячутся когти в лапах тигра. Он кивнул сам себе и замер, будучи готовым к битве.

Вельсиолл нашёл глазами Улианту и жестом приказал ей симитировать свист пустынной птицы, не водившейся в джунглях. На всякий случай он укрылся за стволом дерева и не прогадал. Стоило раздаться свисту, как девушка-илийдинги, отбросив деланую беспечность, мгновенно вскочила на ноги, подняв лук, лежащий на коленях, и разом выпустила две стрелы в сторону Вельсиолла. Удивляться способностям илийдинги пришлось в падении с дерева, и только выдающаяся ловкость архонта позволила ему сделать это изящно.

Честь своего народа спас Теольминт. Когда трое эльтасмириев одновременно с разных сторон вышли из-за деревьев, он произнёс:

– Как смеете вы атаковать эльтасмирийское посольство во главе с архонтом Вельсиоллом ИденГвейоном из Дома Ве-

сеннего Шторма?! – Будто прочитал он текст с листа очень похоже на заправского глашатая.

Теольминт успел небрежно накинуть на плечи свой плащ из лоскутов кожи лесных хамелеонов, поправил оружие так, чтобы его было видно издалека, и снял с головы шлем, распустив волосы. Двое юных илийдингов, всю жизнь проживших в лесу, никогда не видели такого зрелища и открыли рты от удивления, но, тем не менее, не опустили луки. Не растерялась только девушка:

– Вы в нашем лесу!

– Я вижу, ты – предводитель в этом отряде.– Вступил в разговор Вельсиолл, выбрав покровительственный тон. – Как зовут тебя, юная илийдинги?

Лучники нахмурились, а девушка слегка покраснела.

– Локтоиэль...но вы в нашем лесу. – Стояла она на своём, но уже не так уверенно.

– Мы не только в вашем лесу, но мы и во владениях лорда Ангмаямы, чьи люди только что умерли от ваших стрел. Это создаёт проблемы и для нас, и для вас. Ситуацию стоит обсудить, не так ли?

Лучники тотчас потеряли интерес к разговору и вновь перевели любопытные взгляды на плащ Теольминта, что не ускользнуло от внимания Локтоиэль. Она недовольно подняла брови и вдруг воскликнула:

– А ведь вы настоящие эльтасмирии из сказаний предков! Можно я обниму вас?!

Эльтасмирии впали в ступор. Архонт впервые в жизни не знал, что ответить, столкнувшись с таким проявлением чувств от представителя народа илийдингов. Спутники девушки вновь нахмурились.

– Локтоиэль. Ваши игры должны кончиться раньше, чем терпение Поющего меча. Иначе на острове начнётся война.

Илийдинги внимательно смотрела на Улианту и, не сводя с неё взгляда, ответила:

– К вашему сведению, война между лордами уже началась. Отряды Поющих мечей Хотаро атакуют приграничные деревни Ангмаямы. А он в свою очередь вообще собирается напасть на наш лес.

– Откуда такие сведения?

– Он послал в наш лес разведчиков. Затем призвал всех верных Поющих мечей и позавчера вышел из своего замка в сторону наших родовых деревьев. Вождь отправил нас взять одного из Поющих мечей в плен, чтобы наш чародей смог подчинить его волю, и выведать истинные замыслы Ангмаямы.

Теольминт засмеялся во весь голос:

– Разве так ведут дела после Обновления мира?!

Илийдинги в замешательстве перевели взгляды на свою предводительницу.

– Обновление мира открыло новую страницу в истории. – Подыграла ему Улианта. – Отныне мудрое слово уравнено в правах с мечом и стрелами, не только у старших народов, но

и среди людей.

– Этот Поющий меч сопровождает наше посольство! – Резко прервал игру Вельсиолл. – Мы не позволим взять его в плен!

Лучники перевели взгляды на Вельсиолла и встали за спину поближе к Локтоиэль. Теольминт и Улианта напротив отступили на два шага прочь. Повисло напряжённое молчание, которое нарушила Улианта:

– Вам нужен пленник – Поющий меч... – благодушно начала она, глядя прямо глаза в Локтоиэль.

– Нам нужен сопровождающий – Поющий меч... – повёл плечами Теольминт, обращаясь к лучникам.

– И это будут разные люди! – Не оставил повода сомневаться Вельсиолл.

– Этот наш. – Неуверенно показала Локтоиэль в сторону, где предположительно должен был находиться Сакамура.

– Если он станет вашим пленником, то мы лишимся сопровождающего... – пояснила Улианта, продолжая смотреть в глаза Локтоиэль.

– Если же он останется нашим сопровождающим, то вы легко найдёте другого пленника... – подмигнул юношам Теольминт.

– Тогда все мы получим то, что хотим. – Подвёл итог Вельсиолл.

– Мы согласимся, если вы подарите нам плащ в качестве добрых намерений. – Серьёзным тоном произнёс один из

юных илийдингов.

Вельсиолл приподнял одну бровь, а Теольминт вкрадчиво сказал:

– Откажитесь от нашего предложения, и у вас появится шанс овладеть им. – Он улыбнулся и распахнул плащ, показав скрытые в складках два кинжала.

Юные лучники напряглись, готовые в любой момент к смертельной драке.

– Пойдите! – Нервно произнесла Локтоиэль. – Вы постоянно давите на нас все утро.

– Я готов предложить дар всему вашему народу. – Согласился Вельсиолл. – Вы узнаете от меня, как достичь мира с людьми.

– Вы чужие на острове и видите нас впервые в жизни. Откуда вы можете знать, как достичь мира?

– Я – посол и архонт Дома Весеннего Шторма. Прежде чем отправляться сюда, я изучил местный порядок вещей. Нас встретил один из кхатазских лордов. Впереди встречи с другими лордами острова. Я думаю, мой совет для вас был бы очень кстати. Если вы перестанете стрелять в людей, то получите возможность помочь вашему... вашим домам. Иначе люди ответят вам втройне.

– Домам... – хмыкнула Локтоиэль. – Даже здесь вы остаетесь высокомерным архонтом и не желаете признавать наш островной анклав. Мы едины и не выстраиваем лживых «домов».

– Сейчас не время обсуждать статус вашего светлого рода. Время принять решение. Атаковать нашего сопровождающего или не трогать. Я ни к чему вас не принуждаю. Выберите, госпожа Локтоиэль.

Три эльтасмирия и три илийдинга стояли друг напротив друга, и от решения одной из них зависел финал этой встречи. Немного подумав, Локтоиэль произнесла:

– Впервые в жизни меня назвали госпожой. Но я соглашусь с вашим предложением не поэтому! Я забочусь о судьбе нашего народа.

– Ты выбрала разумное решение, Локтоиэль.

– Ну вот! Стоило эльтасмириям получить своё, и я уже не госпожа...

– Это был просто нехитрый словесный приём. Однако если ты последуешь моему совету, даже кхатазы будут называть тебя госпожой.

– Я внимательно слушаю.– С нотками сарказма объявила девушка.

– Как ты и сказала, мы находимся в вашем лесу. Как ответит тот воин, – он указал рукой в сторону, где должен был находиться Поющий меч Сакамура, – мы находимся во владениях лорда Ангмаямы. Ваш вождь и их лорд должны заключить договор. Вы должны не делить лес и землю, а начать сосуществовать на условиях, устраивающих обе стороны. И первый шаг к утверждению мира дано сделать вам, госпожа Локтоиэль.

– Опять госпожа? Оставьте свои дипломатические штуочки. Со мной это не сработает во второй раз.

Она поправила волосы, оглядела всех присутствующих и произнесла:

– И что же это за шаг?

Вельсиолл развел в стороны руки.

– Вашему вождю нужно выйти на переговоры с Ангмаямой и открыть новую страницу в отношениях. Не убивать его людей, а жить с ними в союзе. Это защитит и усилит оба народа. Вам есть, что предложить друг другу вместо войны. Вождь илийдингов острова Року должен услышать не только саму идею переговоров, но и чёткое обоснование выгоды, а также предложение возглавить процесс установления мира. И это предложение преподнесёшь ему ты, Локтоиэль, – архонт сделал паузу и добавил, – но убийство двух людей Ангмаямы сделает любые слова незначительными, если ты не придумаешь, как исправить ситуацию.

Вельсиолл развернулся и, не говоря больше ни слова, направился в сторону реки. Улианта и Теольминт последовали за ним.

– Вы считаете, что мне хватит красноречия убедить вождя? – Раздался за спиной нервный в то же время весёлый возглас Локтоиэль.

– Не надо недооценивать себя! – Не оборачиваясь, ответил Вельсиолл.

Догнав архонта, девушка-илийдинги скорчила недоволь-

ную рожу и сунула плетёный стакан с соком в руки архонту.

– Вы испортили мне весь день!

Локтоиэль сделала знак спутникам и илийдинги растворились в лесу.

– Возможно, в стакане яд. – Между делом сказала Улианта.

– Позвольте мне защитить вас, архонт, и выпить эту отраву! – Воскликнул Теольминт, зная, что Локтоиэль их слышит.

– Здесь точно не отравы, – ответил Вельсиолл, – илийдинги не отравители. Я думаю, вы обижаете их своими шутками.

Тем не менее, он протянул стакан сока Теольминту. Тот демонстративно сделал два больших глотка под насупленный взгляд Улианты и сказал:

– А илийдинги – истинная мастерица! Она смешала апельсиновый сок с травами возбуждающими и одновременно восстанавливающими силы. Эх, как бы нам всем пригодился подобный напиток прошлой ночью!

Улианта пронзила не в меру развеселившегося Теольминта испепеляющим взглядом, но тотчас заметила, что Вельсиолл оценивающе смотрит на неё. Смутившись, она быстро произнесла:

– Поспешим назад к дороге, чтобы спасти от илийдингов беззащитного кхатаза!

Поющий меч Ангмаямы так и стоял, не двигаясь и держа в руках оружие. Его взгляд был расфокусирован, голова чуть наклонена, он смотрел будто сквозь эльтасмириев со спокойным, но сосредоточенным лицом. Вельсиолл понял, что в этом состоянии он замечает стрелы на достаточном расстоянии, чтобы успеть отбить их.

– Двое мужчин-илийдингов и одна девушка-илийдинги. Мы нашли их.

– Они живы? – спросил Поющий меч одними губами, не двинувшись с места.

Прежде чем дать ответ, Вельсиолл почувствовал себя на перекрёстке дорог, одна из которых ведёт домой, а другая с большой долей вероятности в могилу. Он задумался, в какую сторону сделать шаг, пытаясь тщательно подобрать слова. В это время из джунглей послышался девичий голос:

– В моих руках плата за гибель людей!

Из леса вышла Локтоиэль, ступая босыми ступнями по земле. Она делала это так осторожно, как будто боялась оступиться и порезаться. Но Вельсиолл знал, что при желании илийдинги могут мчаться по джунглям быстрее ягуара. В поднятой руке она держала лук, и все эльтасмирии сразу заметили подмену. Это было оружие одного из юных лучников. Её же лук, гораздо лучшего качества, теперь красовался за спиной у илийдинга, вышедшего вслед за ней. Локтоиэль остановилась вне зоны досягаемости тайного удара Поющих мечей и повторила:

– Лук мастера народа илийдингов как плата за гибель крестьян.

– Крестьяне считаются воинами, когда находятся вне деревни и выполняют приказы. И это убийство, а не гибель. – Ответил Поющий меч, не убирая клинок в ножны.

– Всё, что в лесу – гибель. Таков закон природы.

– Их тела лежат не в лесу! – Грозно сказал Поющий меч. – Дорога – владение человека, а не нелюдя.

– А что убило их? – Быстро спросила Локтоиэль.

– Ваши стрелы!

– Стрелы из леса. Гибель в лесу!

Поющий меч понял, что дальнейший спор может привести к сражению. В другое время он был бы рад этому, но сейчас он отвечал честью за сопровождение эльтасмирийского посольства. Поэтому он произнёс:

– Лук и колчан.

– Лук и колчан как плата за гибель крест... воинов? Договор на дороге? На земле лорда Ангмаямы?

– Так.

Локтоиэль с высокомерным выражением лица скинула с плеча колчан и бросила его вместе с луком на землю к ногам кхатаза.

– Плата совершена! – Произнесла она надменным тоном и, не испытывая больше терпение человека, удалилась в лес.

Вельсиолл внутренне обрадовался, что Локтоиэль последовала его совету, и приятно удивился тому, как грамотно

она разрешила конфликтную ситуацию. Архонт понял, что в лесу илийдинги вела себя глупее, чем была на самом деле. Но для чего? Увидев же побагровевшее от негодования лицо Поющего меча, он решил, что она намеренно провоцировала его, чтобы посольство эльтасмириев не чувствовало себя комфортно в дальнейшем совместном пути. Эдакая маленькая женская месть!

Казалось, что мимолетная встреча с Локтоиэль произвела на Улианту и Теольминта большее впечатление, чем целая ночь в замке Табиючи. Несмотря на начавшийся ливень, превративший тропу в ручей и сокративший видимость до десяти шагов, разговор их только разгорался и вёлся на языке «эльтасмири». Очень быстро от оценок красоты Локтоиэль он поднялся к высотам политики светлых рас:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.